

АННА
ГУРОВА

ДЕТИ ЗМЕЯ

Книга 1
КОЛДУН
СО ЗМЕЕВА
МОРЯ

Дети Змея

Анна Гурова

Колдун со Змеева моря

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Гурова А. Е.

Колдун со Змеева моря / А. Е. Гурова — «Азбука-Аттикус»,
2022 — (Дети Змея)

ISBN 978-5-389-20985-5

Много лет назад на берегах Змеева моря во время шаманского обряда было случайно пробуждено к жизни древнее существо – то ли хищная нечисть, то ли темная богиня, известная как Неспящая. С тех пор она бродит по землям Севера, призывая злых духов, подчиняя себе людей и сокрушая их судьбы. А тем временем по ее следам неотступно идет молодой шаман-нойда, потерявший из-за нее свою невесту, изгнанный и проклятый. Неопытный и неумелый поначалу, он странствует, учится, сражается, и понемногу приобретает славу опасного колдуна. Судьба сводит его с братьями-близнецами из Новгорода. Нежата – отважный воин, Велько – певец и гуслиар, и у обоих есть причины считать себя детьми бога Велеса. Нойда понимает, что братья – лакомая добыча для его врагини, которая уже понемногу начала прибирать их к рукам. В одном просыпается сила огненного змея, другому Неспящая дает власть над мертвецами... Станут ли братья союзниками или противниками колдуна? Для чего они так нужны нечисти со Змеева моря? Лишь тот, кто поймет цели Неспящей, сумеет победить ее... Первая книга новой фэнтези-серии «Дети Змея» талантливой петербургской писательницы Анны Гуровой, автора более 30 книг, в том числе цикла «Аратта», созданного в соавторстве с Марией Семёновой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-20985-5

© Гурова А. Е., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Пролог	6
Дети Змея	9
Глава 1. Черный островняк	9
Глава 2. Крылатая мара	16
Глава 3. Похъелец	21
Глава 4. Отвергнутый дар	26
Глава 5. Вещие песни	30
Глава 6. Бой на рассвете	36
Глава 7. Костяной остров	43
Глава 8. Третий узел	50
Тень друга	54
Глава 1. Пустые сани	54
Глава 2. Чужие шрамы	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Анна Гурова

Колдун со Змеева моря

Автор сердечно благодарит Марию Васильевну Семенову за советы, поддержку и вдохновение.

Пролог

Через надмирные просторы медленно текла мерцающая река, которую смертные звали Дорогой Инея. Солнце, луна; звезды, имеющие имена и все прочие безымянные, коим нет числа, сиянием наполняли тьму. Огонь встречался в пустоте с ледяной влагой, порождая вихри и бури в черной, полыхающей бесчисленными искрами вечной бездне.

Шаман стоял на звездной дороге. Он уже задал вопрос и теперь ожидал, какая из звезд ответит ему.

Порыв ветра пронесся, заставив небесные искры замигать. Затем одно из светил приблизилось. Оно напоминало парящую в пустоте гору из синего льда и готово было поведать о прошлом.

Затем приблизилось второе светило – тусклое, туманное, подобное обезображенному бельмом глазу. Шаман вздрогнул, однако не отвел взгляда. Тому, кто хочет узреть будущее, надлежит смелость.

Третье светило было багрово-красным.

Несколько мгновений шаман смотрел на них, а они смотрели на него. Затем он протянул руку и свернул вселенную с углов, сгребая в кучу светила, сыпая звездный песок. Наконец глубоко вздохнул, открывая глаза.

– Дальше плыть нельзя, – сказал он вслух. – Впереди гибель.

Обступившие его нурманы встретили предсказание разочарованными возгласами и бранью. Совсем другое они надеялись услышать от своего колдуна, когда позади долгий и трудный путь, а долгожданная цель совсем близка!

Короткая летняя ночь была на удивление теплой. Ярко сияли звезды, отражаясь в прозрачной воде. Казалось, скалистый островок среди озера, где остановился на ночёвку корабль, летит в ночном небе.

Арнгрим Везунчик, морской ярл¹, недовольно смотрел на предсказателя.

– Это тебе твои камни сказали, финн?

Шаман кивнул и показал ему на ладони три гольши: синеватый, темно-красный и серый.

– Позади нас – чьи-то злые чары, – сказал он, заворачивая гадательные камни в особый кусок кожи, означавший три мира и три времени, и убирая сверток в поясную сумку. – Впереди – кровавая битва и смерть всем.

Гольши лишь на первый взгляд казались обычными камнями. Это были младшие родичи священных сейдов, испокон века хранивших его народ. И на самом деле они сказали ему иное: сперва смерть, а кровавая битва уже потом. Но как такое могло быть? Колдун решил, что где-то ошибся, а потому просто повторил:

– Надо убираться отсюда. Может, еще не поздно...

– Куда я тебе ночью корабль поведу? – рявкнул кормщик. – Чтобы в темноте о скалы разбить? И днем-то еле прошли, повсюду из воды зубы троллей торчат!

¹ Исторические слова и выражения объясняются в словаре, расположенном в конце книги.

– Никуда мы сейчас не пойдем, – перебил Арнгрим. – Будь ты неладен, колдун! Тебе что смотреть велели? Где водяной дракон? Где его логово, набитое золотом?!

Шаман поднял на него взгляд узких светлых глаз. Он был из племени саами, называвшего своих колдунов нойдами. Невысокий, безбородый, с длинными косами, он казался маленьким и незащищенным среди грозных воинов. Но ему будто и дела до них не было. Нойду сейчас тревожило лишь то, что поведали сейды.

– Я не видел никакого дракона, – устало ответил он, вызвав новый шквал проклятий на свою голову.

– Вы его слышали? Не видел! А еще хвалят похъельских чародеев, дескать, лучше их на свете нет...

– Надо было нанять скальда, как все. Почему с нами не пошел белобрысый, как его – Вархо? Ну тот! От оружия заговоренный!

– Так сбежал накануне похода. Видно, почуял что-то...

– А ты чего не сбежал, финн? – раздался насмешливый вопрос. – Наверняка твой приятель тебя с собой звал?

Нойда пожал плечами.

– Я от судьбы не бегаю.

Арнгрим Везунчик глядел на невозмутимого колдуна, испытывая большое желание швырнуть его в озеро. Если уж по правде, поход и в самом деле не задался с самого начала. На злом море Ниен угодили в бурю. С трудом вошли в защищенный от ветра Железный про-ран... и тем же вечером потеряли двоих. Парни подстрелили большую незнакомую птицу, следившую за ними с высокого утеса, пошли искать добычу – и не вернулись. Арнгрим потратил на поиски целый день, обшарил все окрестные скалы – ни птицы, ни собратьев. Что делать, поплыли дальше. Вечером высадились на этом острове, уставшие и подавленные. Теперь молодой ярл ругал себя за то, что решил подбодрить своих людей, устроив гадание. Подбодрил, называется...

– Послушай, Арнгрим, – сказал нойда, вставая на ноги. – Я защитил владения твоего отца от драугов и кое-что смыслю в ворожбе. Если малые сейды не показали дракона – значит, не дракон ваша беда. Все три камня указывают на близкую смерть, я такого прежде не видел...

– Откуда она придет?

– Сейды не сказали.

Арнгрим только плюнул.

– Да что ж ты за гадатель паршивый!

В любом случае, сейчас оставалось только устраиваться на ночлег, чем нурманы и занялись. Вскоре все, кроме дозорных, уже спали, намаявшись после долгого и тяжелого дня.

Звездные тропы сияли, медленно сдвигаясь в густо-синем небе. По одной из них этой ночью к Арнгриму пришла богиня.

Она явилась ему то ли во сне, то ли наяву – он сам не понял, да это и не имело значения. При виде прекрасной синеглазой женщины, что в призрачном сиянии подошла к берегу прямо по воде и остановилась, не касаясь ступнями земли, молодой ярл вскочил с ложа и преклонил колено.

– Славься, пресветлая Ран, хозяйка морских палат! Я видел тебя однажды, когда тонул с кораблем в заливе Чудовищ. И совсем недавно ты почтила меня явлением у карелов, в облике колдуньи. Тот, кто раз увидел тебя, не забудет вовек!

Богиня усмехнулась.

– Что ж, Ран, так Ран... Называй меня так. Завтра твой поход закончится, ярл Арнгрим. Тебя и твоих людей ждет великая награда. О гибели не думайте, пока я с вами. Когда придет срок этого мира, вы сядете на весла моего корабля...

– Великая честь, Мать Бури!

Арнгрим запнулся.

– Что еще?

– У нас тут колдун, саамский нойда. Взяли его с собой, а то наш скальд сбежал... Так вот, он спрашивал своих богов, и те напорошили нам скорую смерть...

Синие глаза полыхнули, и богиня начала расплываться в воздухе.

– Что? Вздумал изменить мне? Обратился за помощью к похвельским богам?

– Нет! – Арнгрим вскочил на ноги. – Прошу, не покидай меня!

Прекрасный облик неудержимо таял, расплываясь над жемчужной водой предутренним туманом.

– Как мне искупить вину?!

– Подумай...

Арнгрим открыл глаза и проснулся. Уже начинало светать. Молодой ярл вскочил на ноги. Ночной разговор с грозной синеглазой Ран в полной мере подарил ему тот душевный подъем, которого нурманам так не хватало вчера. Остался всего день – и они достигнут цели! Убьют дракона, заберут сокровища, и самое главное – обретут милость богини.

Но прежде надо было исправить ошибку, чуть не погубившую все дело. К счастью, милосердная Ран указала путь. Не колеблясь, Арнгрим взял секиру и подошел к тому месту, где спал нойда. Первым ударом разнес в клочья его шаманский бубен...

Дети Змея

Глава 1. Черный островняк

– Вот он, Железный Проран! – проводник-карел взмахнул рукой, указывая в сторону тянувшихся по левому борту высокого берега. – А там и великанша вдалеке маячит... Правь влево!

Над студеной серой водой моря Нево еле-еле выступали плоские, красноватые, будто окровавленные, скалистые мели – луды. Над одними с криками вились чайки, другие были почти незаметны. Если бы не карелы, отлично знавшие здешние воды, новгородцы не сумели бы зайти так далеко.

Кормщик повернул рулевое весло, направляя лодью к берегу. Корабль осторожно пробирався среди чуть заметных среди волн каменных ловушек. Качка ослабла, грозные воды Нево поутихли. За нагромождением голых валунов, испещренных белым птичьим пометом, один за другим начали вырастать острова, покрытые лесом. Сосны цеплялись за каменные россыпи корнями, словно скрюченными пальцами, стараясь удержаться на кручах. Утесы поднимались все выше. Едва заметная расселина, на которую указывал карел, вблизи оказалась узким извилистым заливом между двух отвесных скал, уходившим куда-то в глубь горы. Казалось, в незапамятные времена великан разрубил гору пополам, и огромную трещину залило море.

Наконец бурный, ветренный простор Нево остался позади. Новгородская лодья вошла в Железный Проран, похожий на затопленное горное ущелье, и медленно поползла вперед, подгоняемая слабым ветерком. После грохота прибоя здесь было пугающе тихо. Когда рядом плеснула хвостом рыба, все аж вздрогнули – а среди скал пошло гулять долгое причудливое эхо.

Кормщик, немолодой словенин Богша, поглядывал по сторонам и хмурился. Не приведи боги, что случится – и где тут пристать? Сплошная каменная стена! Даже выбраться на сушу не получится...

– И зачем мы только сюда забрались, – ворчал он. – По пути едва не потонули, теперь здесь еще не хватало днище пропороть... Проклятое место!

– Дальше по правую руку должна быть рыбацья заводь, там можно встать на ночевку, – отозвался проводник, рыжеватый карел по имени Кевит: – А так-то ты прав, почтенный – в Черном островняке добрым людям делать нечего. Здесь и раньше-то было нечисто. А уж теперь...

– Я госпоже нашей так перед отъездом и сказал, – продолжал ворчать Богша. – Или зовите на помощь волхвов, или снаряжайте настоящий отряд, или вовсе не надо лезть в это дело! Так нет же, не послушала...

– Тебя, Богша, не спросили, – оборвал его стоявший у мачты богато одетый юноша. – Твое дело сидеть у кормила и вести лодью, куда я укажу.

– И зря ты на матушку киваешь, – добавил второй парень, разглядывавший берега во все глаза. – Она-то нас и благословила сюда идти.

Кевит косо посмотрел на юношей. Уже не первый день он задавался вопросом: «Почему именно они?» Звали их Нежата и Велько. Они были братья-близнецы – румяные, русоволосые молодцы с гордой статью, стройные, широкоплечие. Гребцы, знавшие парней с детства, как-то их отличали. Карелу же казалось, что они похожи, как две хвоинки с одной сосны. Только Нежата носил на поясе дорогой меч, привезенный из дальних земель, а у Велько была кованая в Новом городе секира. Нежата, кажется, мнил себя старшим, а Велько то и дело тренировал на гуслях и распевал песни, веселя гребцов. Лететь под парусом через бешеное Нево или пробираться на веслах среди незнакомых скал – казалось, все им было в забаву.

«Хоть бы они славились как воители...», – размышлял Кевит. Так ведь нет! В Новом городе, гостя на карельском подворье, он украдкой порасспросил родичей о братьях, но ему почти ничего не рассказали. Вот об их матери – именитой горожанке, вдовой боярыне Милолике, – он чего только не наслушался. «Значит, она сыновей сюда и отправила, а старшины послушались. Как поспоришь с той, кого бояться и считают вещей колдуньей?» Да, парни крепкие, по всему видно смелые – ишь хохочут, аж эхо в скалах гуляет...

«Но среди карьяла, осмелившихся выступить против Великого Хауги, тоже было много крепких и смелых парней. И где они все теперь?»

* * *

– Смотри, Велько, вот и примета! – воскликнул Нежата. – Каменная богиня, о которой говорила ведьма с Кукушкиного острова. Хвала Батюшке-Грому, мы на верном пути!

Прямо перед ними на ровном срезе гранитной скалы проступал облик огромной женщины. Серый гранит, испещренный красноватыми прожилками, придавал великанше жутковатый вид – словно с нее кожу ободрали. И лица почти не было – только линия рта, искривленная будто бы в насмешке. Глаза, едва намеченные, плотно закрыты.

«А ну как откроет?» – тут же представил Велько. Видение явилось ему: вот она поднимает веки, выплескивая пронзительный синий свет... Взгляд падает на игрушечную лодью, скользящую по воде. И мгновенно сжигает ее...

Изумленно глядя на каменную великаншу, новгородцы невольно перестали грести.

– Кто это? – шепотом спросил кормщик.

Кевит развел руками.

– Древняя богиня. Мы не знаем ее имени. Но она была тут всегда. Она не делает ничего плохого – только наблюдает.

– Мне кажется, – тихо заметил Велько, – что это настоящая великанша. Просто она каменная... и поэтому никуда не спешит...

– Здесь и вправду водятся великаны? – Нежата повернулся к карелу.

– В Черном островняке каких только чудищ не встретишь. Сказал бы, да накликать не хочу. Надо бы почтить ее. Хоть и безымянная, а все ж богиня...

Нежата кивнул, развязал кошель с деньгами, повернулся к каменной великанше и с поклоном кинул в воду горсть серебряных монет.

* * *

Железный Проран понемногу становился шире. Его глухие гранитные стены сменились крутыми скалистыми берегами, где можно было легко поломать ноги, но появилась и надежда отыскать пристань. Вскоре взглядам открылись пологие скаты в рыжих пятнах лишайников, уходящие в прозрачную студеную воду.

– За той скалой, в леске, можно пристать, – прищурившись, сказал Кевит. – Спускайте парус, доставайте весла...

И тут же раздались крики:

– Корабль! Там корабль!

И впрямь, трудно было не заметить видневшуюся из-за скалы острую высокую корму нурманского драконьего корабля, который никак не спутать со словенской лодьей.

– Близо не подходить! – встревоженно приказал Нежата. – Не вижу дозорных... Да он, похоже, пустой!

Лодья плавно огибала скалу, открывая взглядам небольшую укромную заводь. Корабль нурманов, накренившись, стоял, наполовину вытасченный на берег. Мачта и весла убраны...

– Точно, пустой, – подтвердил Велько. – И на берегу никого.

– Дыма нет... – слышались голоса гребцов.

– Может, засада?

– Ладно, Богша, правь к берегу, – приказал кормчему Нежата, обшаривая взглядом прибрежные заросли. – Я узнаю его – это драккар Арнгрима Везунчика, мы с ним не враги... Но как его вообще сюда занесло?

Братья переглянулись. Арнгрим Везунчик, молодой морской ярл, недавно получил от могущественного отца свой первый драккар, набрал хирд и горел жадной подвигов. Он что, тоже решил заняться поисками Великого Хауги?

– Если он нас опередил, может выйти паршиво, – с досадой сказал Нежата. – Гляди, сейчас завернем за мысок, а навстречу – нурманы с нашей добычей!

– Меня другое больше занимает, – пробормотал его брат, – откуда Везунчик вообще узнал о Хауги?

Тем временем кормчий переложил рулевое весло, направляя лодью к берегу. Есть там нурманы или нет – а по словам карелов, эта заводь здесь единственная годная для стоянки. А куда на ночь глядя выведет извилистая теснина Прорана – одним богам ведомо...

Медленно и осторожно опуская в воду весла, гребцы направили лодью в тенистый затон. Березы нависали над водой, крепко держа корнями тощую землю, которую здешние холодные ливни норовили смыть со скал. Киль мягко уткнулся в придонный ил. Гребцы убрали весла и поднялись, готовясь вытащить нос лоды подальше на берег. Молодой карел Руско, племянник Кевита, прыгнул первым на особенно удобно торчащий из воды камень.

– Вон к той березе привяжи, – велел Богша, собираясь кинуть ему причальный канат.

– Кидай! – крикнул Руско, взмахнул руками... и плюхнулся в воду.

На лодье захохотали. Юный карел, окунувшийся с головой, тут же поднялся, с недоумением оглядываясь.

– Нога подвернулась, – удивленно сказал он. – На ровном месте! А где камень?

Вдруг его лицо перекошилось от боли и ужаса.

– Ай! – пронзительно вскрикнул он. – Помогите!

И мгновенно исчез под водой.

– Руско! – отчаянно закричал старший карел.

Нежата опомнился первым. Не раздумывая, он перемахнул через борт и с громким всплеском нырнул в озеро. В следующий миг все устремились к борту, чуть не перевернув лодью. Вода у берега, и так взбаламученная, колыхалась и бурлила.

– Смотрите, кровь! – закричал кто-то, указывая на расплывающееся по воде темное пятно.

Несколько воинов тут же полезли через борт. Велько уже ногу забросил, но тут опять раздался плеск, и у самого берега вынырнул Нежата. В одной руке он держал меч, другой тащил за шиворот Руско.

– Помогите нам вылезти! – тяжело дыша, приказал он.

Тут уже все попрыгали в воду, и вскоре толпились на берегу, изумленно разглядывая окровавленную ногу карела. У того лодыжка была изжевана и измята так, словно побывала в жерновах, кожа содрана до мяса.

– Он схватил... схватил меня! – прохрипел Руско, когда к нему вернулся голос.

– Кто – он?

– Камень!

Нежата оглядел лезвие меча и изумленно поднял брови.

– Камень или нет, а шкура у твари жесткая! Ишь какие зазубрины – будто скалу рубил! Что же ты, Кевит? Не ты ли говорил, что до логова вашего Великого Хауги плыть еще две дня?

– Так это и не Хауги, – угрюмо ответил старший карел. – Хауги в десять раз больше!

Новгородцы, услышав эти слова, ошеломленно притихли.

– А это что было? – спросил Велько. – И много у вас тут таких хищных камней под водой сидят?

Кевит ничего ему не ответил. В тишине слышались лишь стоны Руско.

– Это был не камень, а шева, – произнес наконец мерянин Тархо, лесной житель. – Шева – проклятие, злой дух гибели. Если ты не понравишься хранителю леса, озера или болота, он постарается убить тебя, насылая шевы. А какие – не угадаешь... Камень затаится в засаде... Дерево задушит во сне...

– Поплыли-ка прочь отсюда! – раздались голоса новгородцев. – Найдем другое место для ночевки!

– Некуда больше, – сердито ответил Богша. – Обратно до самого Нево нигде не пристать, сам же видели. А вести корабль ночью среди скал – вот уж избавьте...

– Ну и хватит, – решительно сказал Нежата. – Остаемся здесь. Угостим здешнего водяника, чтоб не гневался... И ночью сторожам глаз не смыкать!

* * *

Новгородцы разбрелись по берегу. Вскоре обнаружилось, что они высадились на длинном острове, и нурманов тут в самом деле нет. Зато нашлось место их ночлега и кострище – остывшие и размокшие угли.

– Дождь был третьего дня, – заметил кормчий. – Давно же они ушли отсюда...

– На большой лодке, – добавил Велько, подходя к нему. – Там на берегу много следов. Верно, тащили ее за кораблем. Знали, что драккар дальше не пройдет, и лодку заранее припасли.

– Значит, пошли дальше – к диким ильменям, – негромко проговорил стоявший рядом Кевит. – И до сих пор не вернулись...

Вскоре вспыхнул костер, затрещали сосновые сучья. Новгородцы быстро поставили шатры, собрались вокруг огня, достали припасы. Всем казалось, что Черный островник следит за ними, как зверь из засады. Каждый чувствовал, как сырая темнота чутко прислушивается к разговорам чужаков. И руки невольно тянулись к оберегам...

Поужинав, новгородцы не спешили расходиться. Усевшись потеснее у костра, они обсуждали недоброе место, в которое их занесла судьба. Больше всех о разнообразной нечисти, как оказалось, знал мерянин Тархо. Поверх синей, расшитой черным рубахи он носил на груди серебряную спираль – знак огненного змея Волозь-Шкая, верховного бога народа мере.

– Шевы, они разные бывают, – рассказывал Тархо. – Самые обычные – это злые коряги. Бывало, заблудится человек в лесу, зайдет куда не положено. Там его и поймает коряга – вцепится в ногу, и больше не выпустит. Сколько народу так из чащи не вернулось... Но коряга ладно, ее хоть видно, можно остеречься. Куда хуже – нутряной мох...

– Это что еще за напасть? – с любопытством спросил Велько.

– С виду обычный белый лишайник, живущий на сырых камнях. Но если на нем ляжешь спать – переползет на кожу, заберется в ноздри и уши, поселится у тебя внутри...

– Ишь, дрянь какая, – содрогнулся парень. – А как от нее избавиться?

– Никак. Скоро помрешь, а тело твое будет бродить по лесу...

– Зараза! Буду теперь смотреть, куда ложусь спать!

– Еще бывает, что лягушка вдруг захочет пить человеческую кровь...

– Да хватит уже! – крикнул кто-то.

– Нет, пусть еще расскажет! Давай, Тархо!

– А хуже всего – перерожденные звери, – охотно продолжал мерянин. – Если шевой становится зверь, он начинает расти, и растет, пока не станет огромным. Ему нужно много еды,

и он начинает охотиться на всех подряд – особенно на людей... Лесные звери человека боятся, но шеве страх неведом, а человеческое мясо сладкое...

– Лягушка-упырь, ишь ты, – хмыкнул кормщик. – А про комаров что же не рассказываешь? Тут, в карельских землях, говорят, такие комары бывают – с филина! Подлетит такой, воткнет в тебя хоботок, да всю кровь разом и выпьет!

У костра раздался дружный хохот.

– Вам бы все смеяться, – недовольно заметил Кевит. – Лучше бы богов своих призвали на помощь! Скоро она вам понадобится! Черный островник неспроста так назван. Тут и в прежние годы было нечисто, но с прошлой весны ни один рыбак по доброй воле сюда не сунется... Только безумные нурманы лезут очертя голову. Однако с сокровищами пока еще никто не вернулся. Зато неупокоенных мертвецов все прибавляется...

– И в самом деле, – громко сказал Нежата. – Хватит уже травить байки о лягушках-упырях. Кевит, расскажи парням о Великом Хауги. Мы знаем, что говорилось на вече – а кто он, и откуда взялся...

Взгляды новгородцев устремились на проводника. Все они помнили, как посланники от карелов прибыли в Новый город и как просили защитить их родные земли от морского чудища.

– Стало быть, хотите побольше знать про Хауги, – не слишком охотно отозвался карел. – Ну, слушайте...

Большой, густо населенный Кукушкин остров – сердце земли карьяла. Он запирает устье богатой притоками реки Узервы, которая служит главной лесной дорогой из земли нурманов в земли словен. Не удивительно, что на такой полезный остров зарились и нурманы, и новгородцы. Те и другие уже предлагали местным карелам поставить там надежную крепость – якобы для защиты торговых путей. Карелы, понимая, чем дело пахнет, соглашаться не торопились.

Но однажды пришла нежданная, негаданная беда. В устье Узервы из моря Нево начало заплывать неведомое чудище. Сперва оно лишь рвало сети и пугало рыболовов. Потом начались дела похуже.

– Сам видел, – рассказывал Кевит. – Как-то на закате стояли на пристани с родичем... Вдруг моя белая лайка понеслась вдоль причала. Добежала до самого конца – и давай рычать на воду. Мы только подивиться успели, как вдруг вода будто вскипела! И прямо из под пристани высунулась зубастая пасть – да такая, что человек влезет!

Кевит руками показал размах челюстей.

– Схватила лайку – зубы щелкнули, словно капкан! Бедняжка только взвизгнуть успела, и пропала. Вот тогда мы и поняли, что рядом с нами поселился огромный ящер. Ну а потом такие дела начались, что о собаке все позабыли...

Карел принялся рассказывать новгородцам, как жители Кукушкиного острова решили устроить облаву на неведомую тварь.

– ... вдруг лодка аж в воздух подскочила – и перевернулась! Восемь сильных парней вышло на ту охоту, ни один до берега не доплыл...

– Кто ж так делает, – проворчал Нежата. – Вот я бы... Ты слушаешь, брат?

Велько смотрел в другую сторону. Его взгляд был прикован к лунной дорожке, дрожащей в отдалении на глади залива. Не рябь ли это? Еле-еле заметная – будто кто-то очень медленно, осторожно плывет под водой...

– Здесь-то его нет, – проследив за взглядом юноши, заметил Кевит. – Великий Хауги не любит голые скалы. Даже на Кукушкином острове он выбирал места, где можно неожиданно напасть из густых тростников. Его логово дальше, в диких ильменах...

«Как раз там, куда поплыли нурманы», – отметил про себя Нежата.

«Что же это за морской ящер такой, если он открытой воды не любит?» – подивился про себя Велько.

– А как вы узнали, что чудище ушло в Черный островняк? – спросил он.

– После того, как Хауги потопил охотников, мы задумались, а не оскорбили ли какого-то чужого бога? У нас на острове живет небольшое племя лесных саами. У них есть молодая, но знающая шаманка. Она устроила гадание и назвала имя чудовища – Великий Хауги. «Хозяин вод вам не по силам, – сказала она. – Он будет пожирать вас, а вы будете только оплакивать мертвых. Если хотите навсегда от него избавиться – плывите к словенам, на Волхов. Они однажды изгнали своего ящера, помогут и вам...»

– Помню-помню, – кивнул Нежата. – Мы с Велько были на вече и слышали твой горестный рассказ.

– Я, право, заслушался, – добавил Велько. – Кстати, переделал его в песню, получилась дивная заплачка! Могу сыграть...

Он положил руку на гусельки, которые обычно таскал на поясе в берестяном туле, наигрывая на них, когда придет настроение. Новгородцы засмеялись. Кевит неодобрительно поглядел на близнецов.

– Смейтесь-смейтесь! Как бы плакать не пришлось... Знаете ли вы, откуда явился Великий Хауги? С холодного, темного севера, из самой Похьелы!

– Почему ты так уверен, что оттуда? – спросил Нежата. – Ведьма сказала?

– Потому что оттуда приходит все зло! Откуда же еще?

И Кевит принялся рассказывать о Похьеле туманной – полноточном крае, полном ужасов, нечисти и скверны. Всякий зверь, птица или рыба там был зловредным чудовищем, вскормленным на человечине, а жили там одни колдуны и ведьмы. Луна взошла уже высоко, костер погас, алые угли потемнели, а рассказы карела все не кончались. Он поведал об огромной птице с железными перьями, подобными стрелам; о щуке, способной утопить корабль; о медведе ростом с гору и волке, способном пожрать луну и солнце...

– И против этаких ужасов мы явились сюда с жалкой дюжиной бойцов, – проворчал Богша, косясь на близнецов. – Очень вы, должно быть, вашей матушке надоели...

– Ты язык-то придержи, – холодно сказал Нежата, устремляя на него немигающий взгляд.

У кормчего холодок пробежал по спине. Глаза у близнецов были тоже одинаковые, прозрачно-зеленые. У словен такие глаза считались несчастливыми, зловещими. «Змеиные очи» – так их называли.

Но тут раздался голос Велько:

– Дюжина или две, или десять дюжин – неважно! Дальше мы все равно пойдем одни.

– Одни? Как это? Почему? – громко заговорили у костра.

– Так нам велела наша мать, боярыня Милолика. За Хауги пойдем лишь мы с братом, вдвоем на лодке под парусом. А вы оставайтесь здесь и ждите нас.

– Ушам своим не верю... – сердито начал Богша.

– Так и есть, – оборвал его Нежата. – Мы справимся с чудищем сами.

– Восемь могучих мужей не смогли одолеть водяную тварь! – воскликнул Кевит. – А у вас еще даже борода не выросли...

– Зато, – лучезарно улыбаясь, заявил Велько, – у нас есть тайное средство!

– Что еще за средство?

Велько высоко поднял кожаную суму. В суме лежало что-то большое и плоское. Юноша распустил тесемки у горловины, и в ночи распространился сладкий, манящий аромат.

– Показать? – он посмотрел на брата.

Тот кивнул, и Велько вытащил из сумы большой медовый пряник. Пряник был весьма необычный, в виде двух склеенных вместе человечков, стоящих плечом к плечу.

– Вот так средство, – слышались смешки. – Пряник!

– Матушка наша премудрая сама его испекла и зачаровала, – сказал Нежата. – Это дар от нее ящера, и знак для него...

Он вдруг осекся.

– Какой знак? – спросил Богша.

– Не ваше дело. Главное, матушка велела поклониться ящеру этим даром. А дальше... видно будет.

– Ах вот как, – протянул Кевит.

Ему вспомнились некоторые из рассказов новгородцев о вдове-чародейке Милолике. И совет, данный ведьмой-лопаркой. И главное – тот вопрос, с который карелы пришли к ведьме...

– Что ж, – сказал он, – тогда слушайте. Завтра поплывете дальше по Железному Прорану до самого его конца. Плыть долго, весь день. К вечеру попадете в большое заросшее озеро. Там есть примета – одинокий пустой островок посередине. Но туда вам не надо. В самом устье слева старая стоянка рыбаков, там можно заночевать. Тварь на берег не полезет... надеюсь.

– Хорошо, – кивнул Нежата.

– Кострище – под высокими скалами. На скалы не лезьте, ничего там нет, кроме гнездовий филинов... – карел будто бы хотел что-то еще добавить, но не стал. – А послезавтра на заре отплывайте в ильмени. Там и найдете похвельское чудище. Или оно само вас найдет.

– Если не вернетесь через пять дней, – добавил кормчий, – мы отправимся за вами следом.

Глава 2. Крылатая мара

Братья отплыли рано утром следующего дня, когда рассеялась легкая дымка над водой. Слабое течение несло лодку мимо высоких берегов. Покрытые лишайниками скалы встречались все реже, а сосновые боры подступали все ближе к воде. Над верхушками деревьев вздымались серые, покрытые красноватыми прожилками громады.

– Посмотри-ка! – прищурившись, воскликнул Нежата около полудня. – Чем это там дерево разукрасили?

На отвесной скале над лесом и в самом деле что-то было развешано на ветвях раскидистой сосны, росшей у самого края пропасти. Нечто, издавека напоминающее обрывки ветоши, чуть покачивались на ветру.

– Не вижу, – признался Велько. – Слишком далеко. Да что бы там не висело, людям туда не взобраться. Ты только погляди, какая круча!

– Это и чудно, – протянул Нежата. – Я видел в землях карел священные деревья. Их украшали яркими лентами. Но там висит что-то побольше...

– Да что бы ни висело – как это туда затащили?

Велько опустил весло в воду. Напоследок он еще раз оглянулся на увешанное яркими лоскутами дерево, и на душе у него стало тревожно.

Железный Проран, извиваясь, тянулся все дальше. На проплывающих мимо скалах братьям начинали опять мерещиться то фигуры великанов, то огромные нечеловеческие лица, провожающие их угрюмыми взглядами. Пару раз Велько был готов поклясться, что пятна на камнях сами собой складывались в колдовские руны, какими нурманы любили украшать свое оружие. Он моргал и шепотом призывал помощь богов, чтобы развеять наваждение. Но Черный островняк не боялся чужих богов. Он продолжал неспешно следить за чужаками, будто раздумывая – что бы с ними такие сделать?

Когда солнце начало клониться к закату, и тени стали глубже и холоднее, Проран внезапно закончился. Посветлело, берега разошлись в разные стороны, и перед близнецами открылось большое озеро. По берегам его рос лес. Северная часть озера заросла камышом так густо, что братья сперва приняли его за просторный зеленый луг.

– Наверно, это и есть дикие ильмени, – предположил Нежата. – Ветер попутный – может, сразу и поплывем туда?

– Лучше не надо. Солнце вот-вот сядет. Не хватало напороться на логово Великого Хауги в темноте! Знаешь, хоть мы и с гостинцем, а все-таки хотелось бы сперва увидеть того, кому мы его везем...

Нежата на стал настаивать. Братья свернули вдоль левого берега озера и скоро нашли ту рыбацкую стоянку, о которой рассказывал карел. Место в самом деле было укромное – маленькая заводь под сенью леса у подножия одной из здешних огромных скал. Первым делом, пока не стемнело, братья прошлись по окрестному сосняку и убедились, что поблизости нет никого и ничего опасного. Не поленились они и взобраться на крутую скалу, хоть Кевит и не советовал им этого делать. Но и на горе было пусто. На самой вершине даже деревья не росли, камень прикрывал лишь колючий белый олений мох.

– Что это? – Нежата наклонился, что-то рассматривая.

Велько озадаченно поглядел на мох. Местами он был содран со скалы, будто граблями.

– Да я об этом!

Брат выпрямился, показывая длинное черное перо. Велько взял его в руки, повертел. Перо было жесткое, маховое.

– Орлиное, что ли? – вслух подумал Нежата. – Большие же тут орлы!

– Карел что-то говорил о филинах. Но я никаких филинов не видел...

Велько отвел взгляд в сторону и воскликнул:

– А это еще что?

На невысоком, выступающем из мха валуне, на который братья сперва не обратили внимания, что-то блеснуло в лунном свете. Велько подошел поближе и поднял позеленевшую бронзовую пряжку.

– Карельская, – сказал он. – Но ты лучше на камень посмотри. Видишь какой ровный, да еще с выемкой? Это жертвенник, братец. Не просто так Кевит остерегал нас сюда подниматься.

– И кому же тут карелы жертвы приносят?

Велько вернул пряжку на камень.

– Пошли вниз, – сказал он. – Свежих следов тут нет. Какое нам дело, кому здесь молились рыбаки? Гляди, солнце почти зашло. Хотя ночи сейчас светлые, все равно неохота строить шалаш в потемках...

* * *

Над озером поднимался белесый туман, а из тумана, наливаясь ярким холодным светом, медленно всходила луна. От воды веяло холодом, в густом сумраке леса звенели комары. Братья сидели у догоревшего костра и беседовали. Оба были слишком взбудоражены, чтобы лечь спать. Да и ничто так не мешает отдыху, как тайные, не дающие покою мысли.

– Как думаешь, зачем Арнгрим сюда потащился? – размышлял вслух Нежата.

– За тем же, что и мы, – предположил Велько. – Помочь карелам...

– Ха! Плевать ему на карелов.

– А ты что думаешь?

– А вот что. Слыхали ли ты нурманские песни о морских драконах, что сторожат зачарованные клады?

Велько усмехнулся.

– Ну конечно! Стало быть, Арнгрим поплыл в Черный островняк искать сокровища?

– Громом клянусь, так и есть! – Нежата возвел глаза к прозрачно-синему небу, усыпанному звездами. – Я и сам думал, пока сюда плыли – наверняка здесь уйма скрытых пещер! Ты ведь слышал сказки о чуди, что ушла под землю, когда на берега Нево пришли карелы и словене?

– Кто ж их не слышал?

– Вот здесь-то, в Черном островняке, и скрываются их подземные чертоги! А в них – несметные сокровища, зачатое оружие...

– погоди, сейчас возьму гусли и буду тебе подыгрывать...

Нежата расхохотался.

– Неужели сам не хотел бы добыть зачарованный меч?

– Ясное дело, хотел бы, – ответил Велько. – Но тут же, брат, дело в цене. Чудь свои сокровища так легко не отдаст...

Он внезапно перестал улыбаться, будто что-то вспомнив, и сказал:

– А теперь поговорим о деле! Хватит уже отмалчиваться. Рассказывай о лопарской ведьме. Ты не хочешь о ней говорить, и мне это не нравится...

– Да просто ты мне уже мозг выклевал своими вопросами, – вздохнул Нежата. – Ладно, что ты хочешь знать?

– Все! Как вы встретились, о чем говорили...

– Ладно...

И Нежата принялся рассказывать, как он, праздно бродя по торжищу на Кукушкином острове, встретил удивительную женщину.

– Сперва показалось, что она и на человека-то непохожа: коротышка сутулая в мохнатых шкурах, чисто медвежонок... Подошел поближе, вижу – нет, девка! Маленькая, худая, вся оберегами увешана, на поясе литые зверушки бренчат. Ага, думаю, чародейка... И тут она обернулась да как взглянет на меня... Гроном клянусь, брат – не бывает у людей таких глаз! Они меня словно холодным огнем обожгли, не знаю, как сказать... Я так и встал столбом, то-то наверно люди потешались! Она подошла ко мне, поглядела снизу вверх и говорит: – «Ну здравствуй, змеевич!»

У Велько широко распахнулись глаза.

– Змеевич?!

– Взяла она меня за руку, зыркнула еще раз своими глазищами, и пошла с торга... Ну я и за ней.

– Эх, а я-то с карелами за столом сидел, пока ты бродил по торгу... Ну а дальше что было?

– Чародейка привела меня в свою вежу – в лесу, возле самой воды. Зачерпнула ковшом из реки, взяла один из своих оберегов с неведомым зверем, и подвесила его над ковшом. Пока тот зверь на нитке качался и в воздухе крутился, она за ним следила, шептала что-то по своему... Ну, и меня о том, о сем расспрашивала... – голос Нежаты внезапно сел. – В глаза заглядывала, за руки брала...

– Ясно, все колдунье выболтал, – проворчал Велько. – И что она тебе наворожила?

– Что тот, кого мы ищем, вовсе не в устье Узервы. Велела плыть морем в Черный островняк...

– Это-то я и сам знаю. Потом наши карелы к ней ходили, она им то же самое сказала.

– Не совсем то же, – ухмыльнулся вдруг Нежата.

К удивлению брата, он полез за пазуху и вытащил нечто круглое, блестящее.

– Что там у тебя? Покажи!

Велько принялся озадаченно вертеть в руках необычную вещицу. Плоский, неровный твердый лепесток мерцал как речной жемчуг в свете догорающего костра. Края у него были острые, середина поблескивала радужными переливами.

– Чародейка сказала – идите по морю, дальше – через Железный Проран, – говорил Нежата. – Пройдете зеленые ильмени, попадете на Костяной остров. Увидите там древнюю вежу на мертвых ногах. Там живет моя старшая сестра. Она знает больше меня... Покажите ей эту чешуйку, и сестра призовет Великого Хауги...

– Так это чешуя? – воскликнул Велько, уставившись на перламутровый лепесток. – Храни нас батюшка-Гром! Ели это чешуя Хауги, каков же он сам – с целую лодью?!

* * *

Велько остался сторожить первым. Он сидел у костра, неспешно обтачивал ножом сосновую ветку и прищурившись глядел, как по медленно остывающим углям пробегают сполохи, когда с озера налетал ветерок. Тихо потрескивало, догорая, сухое бревно. Неподалеку под наскоро поставленным наметом посапывал Нежата. Как и пристало воину, он провалился в сон сразу, едва завернулся в плащ, готовый проснуться по первому же оклику. Иногда где-то в вышине еле слышно шелестели кроны сосен. Больше ни единого звука не доносилось ни с озера, ни из леса.

Где-то очень далеко прокричала ночная птица. Велько отложил ветку, встал и неторопливо зашагал из-под деревьев на пологий скат скалы, спускавшийся к воде. Хотя солнце давно зашло, вода будто слабо светилась изнутри. Снизу волнами накатывал холод. Может, он поднимался от воды, а может, сочился из глубины поросшего белыми лишайниками камня. Здешняя вода то шелковисто шепчет, то звонко плещет, то сверкает и искрится на солнце, то непо-

движна и черна. Только одно никогда не меняется – она всегда студеная как лед. Должно быть, море Нево тому виной.

Снова прокричала незнакомая птица – на этот раз где-то в лесу, на севере, будто отвечая первой. Велько вздохнул всей грудью и закрыл глаза.

С детства ему казалось, что он способен слышать и видеть больше, чем другие люди. Раскаты грома заставляли его сердце биться чаще, а дождь стремился погрузить тело и душу в долгую тихую дрему. Вот и эта бесконечно тихая ночь на краю мира будто призывала его замереть, растворяясь в сумраке, не шевелясь и не дыша, до самого рассвета. В такие мгновения Велько казалось, что он – и студеная озерная вода, и тучи, полные небесного огня, и ветер, который несет их по небу.

Резкий, странный крик, долетевший с неба неожиданно близко, пробудил его от грез. Велько распахнул глаза – и вдруг пригнулся, а затем бросился на землю, вжимаясь в мох. Над одиноким островом посередине озера кружила огромная птица. Медленно взмахивая крыльями, странная птица взлетала все выше. С неба снова донесся крик, от которого у парня мурашки пробежали по коже. «Да это же слова, – подумал он. – Она кого-то зовет!» Словно в подтверждение его догадки, из-за леса донесся далекий ответный зов. Огромная птица ударила крыльями и понеслась напрямик к берегу, где заночевали братья. Велько вжался в мох, с неба ударил ветер, а потом все стихло.

Выждав немного, парень медленно поднял голову и огляделся. Ночное озеро опять погрузилось в сонную тишину. Велько встал, стряхивая с себя клочья мха, и задумчиво поглядел на вершину скалы, под которой они заночевали.

– Вот так филины здесь водятся, – пробормотал он. – Это ж никакая не птица!

Юноша тихо подошел к месту ночлега, повесил на пояс секиру и направился на гору тем же путем, каким братья лазали туда еще засветло.

Подъем был крутой, сосновые корни и выступающие камни так и норовили вылезти под ноги. Велько не единожды споткнулся в густом ночном сумраке. Однако чем выше он поднимался, тем сильнее становилось его нетерпение. Что-то подсказывало ему, что поднимается он не зря.

Запахавшись, он наконец выбрался на голую вершину, залитую лунным светом. Переводя дыхание, быстро огляделся. Долго искать не пришлось. То, что Велько в первый миг принял за большой валун, вдруг шевельнулось и встало во весь рост. Незнакомец был закутан в черный мохнатый плащ до пят. В его длинных черных волосах блестел серебряный обруч.

– Ты кто? – спросил Велько.

Незнакомец поднял голову. Его глаза напоминали черные провалы на мертвенно-бледном лице. У живых людей не бывает такой бледной кожи... В следующий миг незнакомец повел плечами, будто расправляя плащ. «Да это же крылья!» – понял Велько. Существо с бледной, сероватой кожей смотрело на него в упор, слегка распустив маховые перья. Внезапно оно улыбнулось – а может и оскалилось, – показав острые, как иглы, зубы.

Нежата, пожалуй, в тот же миг залепил бы ему секирой в лоб – а Велько только сделал медленный шаг вперед.

– Кто ты? – повторил он на языке нурманов, вглядываясь в чужака.

Длинные, буйные черные волосы разбросаны по плечам... Боги, да это же девушка!

Тело ее покрывали короткие черные перья – Велько не понял, одежда или это перья ее собственные. Глубоко сидящие глаза, как два полированных камня, блестели в темноте... «Она не хочет зла, – почему-то подумалось новгородцу. – Кажется, сейчас просто ей любопытно – как и мне...»

– Я тебе не враг, – произнес он. И, повинуясь внезапному порыву, снял с запястья обручье и протянул крылатой девушке.

Она, помедлив, приняла его. А у Велько мурашки пробежали, когда он увидел длинные изогнутые черные когти на ее худых пальцах.

Губы крылатой девы зашевелились. В тот же миг у юноши помутилось в глазах, все вокруг побежало по кругу, пот выступил на лбу, а в ушах зазвучали далекие слова... «Что такое? Чары?» – подумал он, пошатнувшись. Незнакомка, догадавшись, что собеседник не понимает ее, указала в сторону островка, черневшего посередине озера. Затем ее крылья вдруг взметнулись и ударили воздух с такой силой, что Велько чуть не покачнулся от удара ветра. А существо взмыло в небо и мгновенно исчезло.

Велько еще немного постоял, подумал и отправился вниз. Нежате он решил пока ничего не рассказывать. Ему хотелось для начала все обдумать самому.

Глава 3. Похъелец

Следующим утром, ясным и холодным, все произошедшее ночью казалось Велько таинственным зловещим сном. Он то и дело поглядывал на запястье, где еще вчера блестело серебряное обручье с золотой чеканкой. Нет, девушка-птица ему не приснилась. Но чего она хотела? Зачем показалась ему, куда указывала когтистой лапой? И эта ее странная песня, от которой закружилась голова... Велько был до того задумчив, что даже Нежата, давно привыкший к привычке брата то и дело погружаться в свои мысли, не выдержал и резко окликнул его:

– Да что с тобой? Отплывать пора, а ты как зимняя муха бродишь! Приснилось что-то?

– Может и приснилось, – пробормотал Велько. – Вот что я думаю, брат. Прежде чем идти в дикие ильмени, надо сплавать на тот остров.

Нежата с недоумением поглядел на островок посреди озера. Тот был совсем мал – просто невысокая, заросшая редкими соснами скала, окутанная утренней дымкой.

– Это не по пути... Да и зачем?

– Сам не знаю, – признался Велько. – Ну давай. Разве мы куда-то спешим? А вдруг там найдутся следы Арнгрима?

Нежата фыркнул.

– С чего бы? Если уж нурманы решили бы здесь заночевать, то остановились бы на том же берегу, где мы. Удобнее стоянки тут не найти. Думаю, Везунчик со своими людьми сейчас где-то на той стороне озера...

Велько вздохнул. Ему не хотелось рассказывать брату о крылатой девице. Начнет браниться, почему не разбудил, зачем полез на гору без него...

– Мне приснилось, что нас там ждет нечто важное, – ответил он неохотно. – Этого довольно?

– Скажи это кто другой, я бы его высмеял, – покачал головой ответил Нежата. – Но тебе, Велько, так и быть, поверю. Знаешь, почему?

– Потому что меня точно так же, как и тебя, дразнили змеевичем, – буркнул его брат. – Давай, поплыли!

Уже отчалив от берега, они все продолжали спорить, стоит ли тратить время на эту разведку. В конце концов Нежата уступил. В глубине души ему и самому стало любопытно. Вещие сны и предчувствия никогда не посещали его, но он с детства знал, что Велько порой способен видеть невидимое. А что, если на острове – пещера с сокровищами, или могила древнего героя? Гости у карелов, братья не раз слушали песни о битвах между доблестными предками озерных людей и злобными чародеями-похъельцами с ледяного севера. Почему бы здесь не найтись следам тех древних битв?

Солнце всходило все выше, прогоняя остатки тумана. Лодка скользила по прозрачной как стекло воде, с севера волнами накатывал шелест камыша. Им заросла вся северная часть озера. На утренней заре ильмени как никогда напоминали широкий луг. Изредка налетал ветер, качая пушистые верхушки водяных трав. Одиноким скалистым островок поднимался из воды, как последняя крепость перед этим безмятежным зеленым простором.

– Может, здесь и пристать негде, – ворчал Нежата, оглядывая крутые берега.

– А вон заводь... Гляди, гляди! Следы!

Нежата и сам уже заметил, куда показывает брат. Прибрежный песок в заводи между двух скал прорезали глубокие борозды от кия. Ага – здесь вытаскивали на берег тяжелую лодку!

Высадившись на берег, братья обнаружили еще множество следов. Да, тут несомненно побывали нурманы. Похоже, они не знали о рыбацкой стоянке под горой и провели ночь на острове, а потом ушли на лодке дальше. Остров был тихим и пустынным, только птички попискивали в кустах, да шуршали невидимые лесные мыши в вездесущем черничнике.

– Никого, – сказал Нежата. Братья стояли на вершине скалы, оглядывая окрестный бор. – Нурманы уплыли еще вчера или позавчера...

Взгляд юноши скользнул по редким соснам, и вдруг его глаза сузились.

– Гляди-ка, – процедил он. – Вон там, на сосне!

Братья медленно и осторожно направились вниз по склону.

Когда густой черничник затрещал у них под ногами, с недовольным писком вспорхнула целая стая птичек, что-то клевавших с земли. По сухому упавшему дереву мигом пробежал горностай. На вытоптанной полянке валялся растоптанный короб, рядом был брошен выпотрошенный дорожный мешок. Лесные мыши и птицы растащили все припасы, до которых добрались.

Хозяин припасов был привязан к стволу замшелой сосны. Он висел на веревках, низко опустив голову; если бы не ремни, он просто упал бы лицом вниз. Нежата подбежал к сосне, склонился над привязанным к стволу человеком и приподнял его голову, вглядываясь в лицо.

– Эге! – воскликнул он. – Да это похъелец!

* * *

Братья переглянулись в замешательстве, разглядывая свою находку. Длиннокосый человек в кожаной одежде вроде дышал, но был без сознания. Разбитая скула и огромный сизый синяк вокруг опухшего глаза уродовали его изящно очерченное молодое лицо.

– Эй, очнись! – Нежата решительно потряхнул его за плечи. – Ты живой вообще?

Привязанный чуть приоткрыл невидящие глаза. Они оказались узкими, блекло-голубыми.

– Да ведь это баба, – заявил Нежата. – Слушай, а вдруг это та самая старшая сестра колдуньи с Кукушкина острова! Ну помнишь, которой я должен показать чешуйку...

Велько ответил не сразу – он как раз увидел прямо перед собой, на соседней сосне, большой кожаный бубен, насаженный на острый сук. Раскрашенная диковинными рисунками кожа была безжалостно разодрана. Сердце Велько забилось быстрее. Такие вещицы ему прежде видеть не приходилось, а вот об их хозяевах он кое-что слышал. «Уж не знаю, ведьмина ли это сестра, или брат, или оборотень с черными крыльями, но ясно одно – это колдун!»

– И глаза такие же, и одета в звериные шкуры... – рассуждал Нежата. – Ну точно, чародейка! Наверняка это нурманы с ней расправились. Наверно, не хотела им говорить, где драконий клад... Эй, красotka, очнись!

– Давай-ка сперва веревки перережем, – перебил его Велько. – Она же еле жива, бедняжка!

Вскоре освобожденный от пут похъелец молча упал в мох.

– Давай отнесем ее на берег!

– Вот еще...

– Ну хоть воды принеси. А я погляжу, не ранена ли...

Рука незнакомца вдруг крепко схватила Велько за запястье. Похъелец открыл глаза и быстро взмахнул свободной рукой.

– У нее нож! – закричал Нежата.

Велько, не раздумывая, упал на колдунью сверху, прижимая к земле, а Нежата принялся выдирать из пальцев неприметный клинок. Похъелец рычал, вертелся и отбивался с такой силой, какую никто бы не мог угадать в хрупкой обессиленной пленнице.

– Вот же бешеная ведьма! – выпалил Нежата с долей восхищения, когда маленькая цепкая рука все-таки разжалась, выпуская оружие.

– погоди, братец, это никакая не ведьма, – прохрипел Велько, пытаясь удержать пленника, который извивался, как уж, пытаясь вырваться. – Ты кто такой, упырь?

– Так это мужик, что ли? – изумился Нежата. – У этих похъельцев не разберешь! Ну тогда получай!

Могучая затрещина уgomонила колдуна, и он упал ничком, больше, кажется, уже не при-
творяясь. Братья крепко стянули ему запястья за спиной и сели рядом, тяжело дыша.

– А сон-то твой и впрямь оказался вещим, – сказал Нежата. – Нас на острове ждал...
подарочек!

– Какой сон? Ах да... Уж прости, брат, заклятый клад мы не нашли...

– Зато нашли мороку на свою голову. Что это за чучело? Ты только погляди, у него пояс
расшит медвежьими когтями! А оберегов-то больше, чем на священной березе...

– Это лопарский колдун. Нурманы называют их финнами, карелы – похъельцами, – отве-
тил Велько. – Я о них слышал. Они живут далеко на севере. Сильнее их колдунов в мире не
найдешь...

– Ну и что будем дальше с ним делать? Прибьем или просто бросим здесь?

Велько задумчиво поглядел на пленника, который снова начал шевелиться.

– С одной стороны, нехорошо оставлять колдуна за спиной, – продолжал рассуждать
Нежата. – Но не даром же люди говорят: «мертвый колдун втрое опаснее живого»...

– Для начала давай его перевяжем, напоим и накормим, – сказал Велько. – Потом пого-
ворим с ним. А там видно будет...

– Еще кормить его! Ладно, потащили к лодке...

Но стоило братьям подхватить похъельца, как тот снова принялся изо всех сил упираться
и вырываться.

– Ух, мало ты получил! – взвился Нежата. – Брат, давай я его прирежу. На что нам такая
обуза?!

– погоди, он что-то говорит, – остановил его Велько.

Похъелец в самом деле что-то быстро повторял, то и дело оборачиваясь назад. Велько с
изумлением осознал, что северянин говорит по-нурмански.

– Не оставлять тут... что? Небесную лодку? Какую еще лодку?

Похъелец указал подбородком на бубен.

– Нельзя ее так оставлять, – взмолился он. – Она умрет без меня!

– Да этот парень, похоже, ума лишился! – расхохотался Нежата.

– Бубен живой? – с любопытством спросил Велько.

– Арнгрим разрубил ее секирой, чтобы я не мог призывать духов, – сказал колдун. – Но
ее еще можно вылечить.

– Арнгрим?

Братья тут же уставились в бледное лицо похъельца.

– Давно тут был Везунчик? Это он велел привязать тебя к дереву? – наперебой забросали
они его вопросами. – Где он сейчас?!

– Я не могу говорить, когда он страдает, – будто не слыша, произнес похъелец, глядя на
разорванный бубен. – Или не слышите, как он кричит от боли?

Велько наклонился и разрезал ремень на его запястьях.

– Иди, спасай свою... небесную лодку.

Колдун тут же вскочил на ноги, охнув от боли. Подошел к бубну, осторожно снял его с
сучка и поднес к губам, что-то приговаривая по своему.

– Ну и зачем ты его отпустил? – недовольно спросил Нежата.

– Куда он денется с острова? Он голоден и слаб. Бубен ему Везунчик сломал – значит,
колдовать не сможет...

– А если сбежит? Сейчас кинется в воду и был таков!

– Пусть кидается, если жить надоело, – хмыкнул Велько.

Он не понаслышке знал, что северяне плавать не умеют – нарочно не учатся, потому что в их вечно холодных водах это попросту ни к чему. Только дольше промучаешься.

– Похъелец, или кто ты там – мы тебе не враги, если ты нам не враг, – сказал Велько на языке нурманов. – Если больше не будешь нападать на нас и честно расскажешь, что здесь случилось, мы тебя не тронем и даже поделимся едой.

– Еще чего, – бросил Нежата.

Колдун, однако, поднял голову и устало поглядел на братьев.

– Спрашивайте.

– Кто привязал тебя к дереву? Арнгрим?

Похъелец молча кивнул.

– Зачем он это сделал?

– Чтобы я не мешал ему губить себя.

Нежата усмехнулся.

– Узнаю Везунчика! А где он сейчас?

– В чертогах Калмы.

– Так карелы зовут Смерть, – объяснил Велько.

– Умер, что ли? – нахмурился Нежата.

Колдун пошатнулся и оперся на сосну. Теперь, когда он стоял, было видно, как он измучен – казалось, отпустит дерево и упадет. Похъельца и в самом деле можно было на первый взгляд принять за девушку. Однако в выражении его лица не было ничего девичьего.

– Ярл Арнгрим выбрал ложный путь, и удача его оставила, – произнес колдун. – Пять дней назад, когда мы останавливались у карелов, ему приснился сон, который ярл посчитал вещим. Утром он приказал повернуть на север и направился к этим островам, которые все обходят стороной. Я предостерегал, что его здесь ждет только гибель. Но ярл отказался меня слушать. А когда я стал настаивать, он обошелся со мной, как с врагом. Он был мне кое-чем обязан, потому не убил, а оставил на милость богов...

Братья переглянулись.

– Ну а ты сам что делал с нурманами? – спросил Велько. – Людей вашего племени редко встретишь так далеко от родины...

– Это мое дело, – сухо сказал похъелец.

– Ты в самом деле колдун?

– Нойда.

– Что это значит? – спросил Нежата.

Похъелец провел пальцами по ободу испорченного бубна.

– Нойда значит – добрый помощник.

– Ну что ж, может, хоть порчу на нас не наведет, – заметил Велько. – Как тебя звать?

– Нойдой и зовите, – буркнул пленник.

Велько пожал плечами – в отказе называть свое имя первым встречным не было ничего удивительного. Братья снова принялись обсуждать, как им поступить со спасенным колдуном. Который, похоже, никакой благодарности за свое спасение не испытывал и больше всего тревожился даже не о себе, а о своей «небесной лодке». Нежата выступал за то, чтобы оставить его на острове.

– На обратном пути заберем его с собой, не бросим! Что ж мы, звери какие? А пока пусть посидит тут.

Велько был с ним не согласен – он считал, что похъельца надо взять с собой.

– Я много слышал о лопарских колдунах, – сказал он. – Это тебе не знахари какие-нибудь. Про них такое рассказывают, не поверишь! Они могут призывать диких зверей, повелевать ветром...

– Судя по этому нойде, все его чары – ничто перед хорошей оплеухой, – осклабился Нежата. – А ты все же думаешь, что он опасен?

– Я на это надеюсь, – сказал Велько. – Как знать, не пригодится ли нам опытный чародей? Не нравится мне то, что он рассказал про Везунчика. Что еще за вещий сон привел его сюда? Я сразу же подумал, что этот сон был кем-то наслан нарочно. И этот нойда, похоже, решил так же...

– Если колдун сам только что не сочинил эту побасенку с начала до конца, – возразил его брат.

– А вот мы его и спросим...

Велько повернулся к похъельцу, который неторопливо собирал в кожаный мешок свои раскиданные по черничнику пожитки.

– Мы сейчас поплывем туда, в ильмени, – он махнул рукой в сторону зарослей тростника. – Нам надо кое-кого найти. Потом вернемся. Взять тебя с собой или покуда оставить здесь?

Губы похъельца скривились в усмешке.

– Тоже явились искать сокровища дракона?

– Ничего подобного, – возразил Велько. – Нас позвали на помощь карелы с Кукушкиного острова. Они как-то разузнали, что в островняке – логово водяного чудовища, которое не дает им житья с весны. Вот мы и прибыли сюда с ним разобраться.

Нойда впервые поглядел на новгородца с проблеском любопытства.

– Если поплывете туда – погибнете, как нурманы, – сказал он, перекладывая вещи из раздавленного короба. – Тварь, что здесь завелась, живая только по своему виду. Это не обычная шева, сущность ее – не от этого мира. Смертным с ней ничего не сделать.

Велько призадумался.

– Эй, ты чего посмурнел? – пихнул его в бок Нежата. – Он же сказал – смертным!

Братья переглянулись. Нойда заметил их взгляды, но ничего не сказал.

Глава 4. Отвергнутый дар

– Вы только поглядите! – раздался восхищенный возглас Нежаты. – Разве такое возможно?! Велько, подгреби справа, хочу поглядеть поближе!

Длинная плоская скала далеко выдавалась в озеро из зарослей тростника, словно спинной хребет огромной рыбы. Непонятно было, то ли это мыс, то ли каменная мель-луда. Но на самом ее конце высилось нечто вроде столба в рост ребенка из окатанных водой камней. Камни, побольше и совсем небольшие, были положены один на другой, порой едва соприкасаясь, так что сооружение казалось висящим в воздухе. Было совершенно непонятно, как этаким столб может стоять, не рассыпаясь. Именно это и заявил Нежата, перескочив с лодки на скалу.

– А если его слегка подтолкнуть, что будет?

– Брат, не трогай, – недовольно сказал Велько. – Не забыл еще, как сам нырял за Руско?

Кто знает, зачем сложен диковинный столб? В землях словен тоже ставили на высоких местах приметные камни – путевые знаки. Ну а если это что-то другое? Велько покосился на похъельца – что тот скажет? Но нойда сидел на корме с веслом в руках и с безразличным видом оглядывал озеро. С тех пор, как они отплыли с острова, он и трех слов не проронил.

Нежата все-таки не удержался и ткнул пальцем один из камешков. Столб вполне ожидаемо рассыпался с громким стуком, часть камней укатилась в воду.

– И зачем? – укоризненно сказал Велько. – Было красиво, а ты...

Но его тут же перебил вопль брата:

– Они ползут назад!

Велько застыл с поднятым веслом. Он было не поверил глазам, но судя по оторопевшему взгляду брата, тот видел то же самое. Укатившиеся в воду камни выползли на берег и собирались в кучку, будто огромные серые улитки. Неспешно и упорно они один за другим взбирались все выше и выше, пока не сложились снова в неустойчивый столб с похожим на ушастую шапку камнем наверху. И снова застыли, как и положено камням.

– Обороните, предки! – выпалил наконец Нежата. – Что делается! Эй, как там тебя... нойда! Что это за волшба?

– Ползучий сейд, – невозмутимо ответил похъелец. – Я вас предупреждал, не надо сюда плыть.

– А, так это сейд, – кивнул Велько. – Волшебный камень. Слыхал, но представлял их иначе. И зачем он здесь поставлен?

– Указывает путь. Но не только...

Взгляд нойды вдруг остановился на чем-то, братьям невидимом.

– Ты куда смотришь? – напрягся Нежата.

Он поглядел туда же, куда колдун, но не увидел там ничего, кроме неподвижной воды да сплошной стены тростинка. А нойда все глядел. Вдруг он отложил весло, направил ладонь на воду и запел. Велько сразу же стало не по себе – совсем как тогда, ночью на горе... Сдавило горло, мир вокруг поплыл, стал рябить, медленно поворачиваться по кругу. Дневной свет мутнел, затягивался дымкой. Все еще стоявший на отмели Нежата сгорбился, принялся тереть глаза. Велько попытался глубоко вздохнуть, но не мог – в груди стало тяжело... Но вдруг как свежий ветер налетел и мигом сдул дымку. Ползучий сейд в тот же миг снова рассыпался до основания. Нойда опустил ладонь, встряхнул и провел ей по лбу.

– Я ошибся. Сейд не путь указывал, а наоборот – наводил морок, – хрипло сказал он. – Глядите туда.

Но близнецы уже и сами все увидели. Да и как можно было не заметить большую лодку, если она явно разбилась об эту самую скалу! Лодка торчала из камышей вверх днищем, напо-

ловину погруженная в воду. Рядом плавали большие расщепленные доски, обломки поменьше валялись чуть ли не под ногами у Нежаты.

– Похоже, это лодка Арнгрима, – сдавленным голосом произнес он.

– Так и есть, – подтвердил нойда.

– Ну хоть мертвецы вокруг не плавают...

– Если их не сожрал Великий Хауги, – добавил Велько, оглядывая лодку. – А мне кажется, так оно и было. Гляди, из борта будто вырван кусок. И эти щепки... Лодку будто подняли из воды и швырнули на скалу. Вон, какая дыра в боку! Я видел корабль, который выкинуло на прибрежные скалы в бурю – очень похоже...

– Буря? На лесном озере?

Нежата подобрал обломок доски, повертел и кинул в воду.

– Следов крови я не вижу, – сказал он. – Битвы, похоже, не было.

– Значит, люди успели сбежать.

– Нурманы? Сбежать? – хмыкнул Нежата. – И не вступили в бой? Скорее уж все попадали за борт... Думаю, дело был так: чудище напало внезапно, одним ударом перевернуло судно...

Велько снова поглядел на нойду – тот все так же не сводил глаз с камышей. «Они в чертогах Калмы» – вспомнились ему слова похъельца.

– Великий Хауги где-то рядом? – спросил он.

– Нет. Он не любит скалы, – ответил нойда. – Его логово там.

Он указал на стену тростника, что тянулась в обе стороны до самого леса.

Велько вздохнул.

– Вот туда-то нам и надо.

Нойда внимательно поглядел на юношу.

– Вы ведь не собираетесь с ним сражаться, но ищите с ним встречи. Что вы затеяли?

– А это тебя не касается! – заявил Нежата, перелезая обратно в лодку.

Похъелец только плечами пожал.

* * *

Лодка неспешно скользила вдоль неподвижной стены тростника, разрезая носом ряску. День выдался безоблачный, солнце не только грело, но даже начинало припекать. Ветер совсем затих, воздух был теплый и вязкий. Над желтыми кувшинками носились стрекозы.

– Слышите? – встрепенулся вдруг Нежата. – Кажется, собака воет?

Все перестали грести, прислушиваясь. Но кроме шелеста камышей да тихого птичьего посвиста, никаких других звуков не было.

– Точно говорю, воет! – повторил Нежата. – Вот, опять! Где-то там, в камышах. Да так жалобно...

– Клянусь, никто не воет, – хмурясь, ответил Велько. – А если бы это был голос духа, то сам знаешь, я услышал бы его первым. Так что это тебе мерещится. Может, голову напекло...

Нежата не успел возмутиться, как раздался новый звук – да такой, что усомниться в нем было невозможно. Над водой прокатился гулкий, тяжелый вздох, как будто вздохнуло само озеро. По воде побежала рябь, лодка закачалась. Налетел резкий холодный ветер, тростники громко зашелестели и пригнулись...

– А вот и протока! – раздался голос Нежаты. – Правим прямо туда!

Велько сделал справа большой гребок, лодка плавно повернула в открывшийся проход среди камышей, и ильмени сомкнулись за ее кормой. Через миг ветер успокоился, и снова над озером воцарилось теплое сонное безветрие, будто никакой лодки и не было.

* * *

Теперь они плыли среди тростников, как по зеленому лугу. Казалось, лодка пробирается по узенькой тропинке – протока была такой узкой, что едва хватало места опустить весло. Пушистые метелки колыхались высоко над головами.

– Ничего не вижу! – проворчал Нежата. – Ну и местечко! Кто-то бросится сбоку – и ахнуть не успеешь...

Пока Велько и похъелец осторожно гребли, едва-едва продвигая лодку вперед, Нежата стоял посередине наготове с мечом в руках. Велько всю дорогу посмеивался над братом из-за дорогого и ненужного на охоте оружия, которое тот таскал с собой красоты ради. Но сейчас он подумал, что если на них кто-то нападет в таком узком месте, то как раз меч им очень пригодится. А что впереди их очень скоро ждет неприятная встреча, он почти не сомневался. Велько привык доверять своим предчувствиям. Кому бы ни принадлежал этот внутренний голос, предупреждающий о грядущих неприятностях, но он редко обманывал.

– Матушкин гостинец приготовил? – негромко спросил Нежата.

Велько отложил весло и вытащил из сумки сверток. В воздухе поплыл сладкий медовый аромат. Нойда бросил на сверток заинтересованный взгляд, но вопросов задавать не стал.

– А если ящер не примет дар, тогда что? – тихо спросил Велько. – Об этом подумал?

Нежата хотел ответить, но оглянулся и воскликнул:

– Впереди просвет!

Вскоре камыши расступились, и лодка вынырнула из травяной чащи на чистую воду. Близнецы одновременно вздохнули свободнее. Они и сами не осознавали, как давят на них эти зеленые стены. Нойда же, напротив, будто собрался, и незаметно переложил к себе поближе копыто-сулицу.

Перед ним раскрылся окруженный тростником затон. Гладь воды была почти полностью закрыта цветущими белыми лилиями и их круглыми плавучими листьями. Лишь посередине оставалось гладкое черное окно. «Красота какая!» – успел подумать Велько. Потом тростники медленно раздвинулись, и в затон выплыла серая, замшелая, усеянная ракушками узкая скала.

Близнецы оторопели. Нежата застыл, стиснув рукоять меча. Оба живо вспомнили шеву, едва не погубившую карела. А в следующий миг плавучая скала распахнула плоские желтые глаза...

Нойда схватил со дна лодки сулицу, направил ее на неторопливо плывущее в их сторону диво и пропел угрожающую фразу на своем языке. Вполне отчетливо прозвучало лишь «шуур хауги!»

– Хауги? – воскликнул Нежата, очнувшись. – Мы нашли его! Велько, давай пряник!

Быстро вытащив из свертка гостинец, он поднял его в вытянутой руке.

– Здравствуй, отец! Прими нас, твоих законных сыновей! Велено нам передать тебе этот дар – священный брачный пряник! Твоя земная супруга сама испекла его для тебя взамен того, который разделила с тобой на берегах Волхова восемнадцать лет назад!

Нежата бросил пряник в воду. Тот булькнул и исчез в глубине. Вслед за ним, подняв волну, погрузилась и глазастая скала. Велько, вцепившись руками в борт лодки, все смотрел в воду и ждал.

– Ящер принял дар? – наконец прошептал он.

– Не знаю, – тоже шепотом ответил его брат.

Ответ пришел откуда не ждали – и уж точно совсем не такой, какой близнецы надеялись получить. Лодку потряс такой могучий удар, что она даже подскочила над водой. Каким-то чудом никто из нее не вылетел.

– Гребите, иначе нам конец! – заорал Нежата. – Велько, сзади!

Он едва успел ухватиться за мачту, и в тот же миг новый тяжелый удар в днище отбросил лодку в камыши. Там она и застряла. Велько уронил весло, и оно поплыло среди лилий.

– Ну все, приплыли! – горестно воскликнул Нежата.

– Ставьте парус! – раздался вдруг голос нойды.

– Ты умом тронулся? Не лезь не в свое дело! Какой парус, мы тут застряли намертво!

– Быстро ставьте, иначе будет поздно!

Близнецы обменялись взглядами, посмотрели на похъельца, и дружно принялись отвя- зывать парус. Опустить его заняло несколько мгновений.

Тем временем по воде опять побежала рябь. Среди лилий поднялась серая, облепленная ракушками спина, и чудище, разгоняясь, поплыло в их сторону.

– Готово! – крикнул Велько, закрепляя парус.

Нойда одним движением распустил узел на привязанной к поясу веревке. Братья уви- дели, как беззвучно шевелятся его губы. В следующий миг на лодку налетел вихрь, подхватил ее и поволок куда-то прямо по склонившимся до самой воды тростникам.

– Руль держите! – донеслось сквозь вой ветра.

Они прорвались через заросли, проламывая в тростнике настоящую просеку, и вскоре вылетели в чистую воду. Берега здесь расходились, образуя широкую спокойную протоку между двумя лесистыми островами. Туда-то и лодка и понеслась, увлекаемая колдовским вет- ром.

Глава 5. Вещие песни

Лодка пронеслась через озеро, как подхваченный бурей сухой лист. Братья не успевали ни думать, ни смотреть, куда их несет – лишь бы удержать руль, только бы не налететь на скалу или торчащую из воды корягу. Потом резкий, больно бьющий шквал столь же внезапно исчез, как и появился, превратившись в тот обычный холодноватый ветер, который назойливо дул в Черном островняке на открытых местах. Подгоняемая им лодка неспешно поплыла вдоль поросших лесом незнакомых берегов. Только тогда близнецы вновь обрели дар речи.

– Хвала Грому! – выпалил Нежата. – Еле ушли! Пожертвую жрецам рыжего быка, когда вернемся!

Велько перевел дух и обернулся к нойде.

– Спасибо тебе!

– За что?

– Но разве не ты вызвал ветер?

– Я, – не стал отпираться похъелец.

– Ты нас всех спас! – с чувством воскликнул Велько.

– А вы меня, – пожал плечами колдун. – Мы квиты.

Нежата, открывший было рот, чтобы тоже поблагодарить спасителя, поглядел на него и промолчал. Похъелец с безразличным видом сидел на своем месте, будто и не они только что чудом избежали смертельной опасности. И вместо благодарности Нежата ощутил только раздражение.

– Это ведь был он, ящер? – тем временем думал вслух Велько, мысли которого обратились в другую, куда более важную сторону. – Великий Хауги?

– Леший его знает, – сердито ответил Нежата. – Я и разглядеть его толком не успел, так быстро он бросился... Эй нойда, ты что скажешь?

– Если вы о водяном чудище – да, это был он, Хауги, – невозмутимо подтвердил похъелец. – Я вам еще на острове сказал, что его логово в ильменах.

Нежата уставился на него хмурым взглядом.

– Уж слишком ты много знаешь, да помалкиваешь! Что ветер вызвал – спасибо! Но еще чуть-чуть, и он бы нам не понадобился...

– Не ты ли велел мне сидеть тихо и не лезть? – напомнил нойда.

Старший близнец прикусил язык, краснея от гнева.

– Оставьте пустые ссоры, – вмешался Велько. – Брат, Великий Хауги не принял наш дар!

– Да! – подхватил Нежата, отворачиваясь от колдуна. – Даже не пожелал нас выслушать! Почему? Что мы сделали не так?!

Велько вздохнул.

– Я тут думаю – что, если это вовсе не тот, кого мы ищем? Помнишь, что матушка сказала? Если ящер примет дар...

Нежата выругался.

– Ну, если это какое-то здешнее чудовище, я попросту убью его! С большим удовольствием!

– Легко сказать... – Велько обернулся к нойде: – А ты что скажешь?

– Я ничего не знаю ни о вас, ни о ящере, которого вы ищете, – отвечал похъелец.

«И знать не желаю», – было написано на его лице.

– Но про Хауги ты что-то явно знаешь, ведь так? Это ведь твои родные места!

– Вовсе нет. Я родом со Змеева моря, это намного севернее.

– А сюда тебя как занесло? – неприязненно спросил Нежата. – Почему шатаешься по чужим землям, а не живешь со своим племенем, как все добрые люди? У тебя есть род, семья?

Нойда, и так-то бледный, побледнел еще сильнее и ничего ему не ответил.

– И что ты делал у Арнгрима? – не отставал Нежата. – Может, ты-то его сюда и заманил?

– Брат, перестань! – с досадой сказал Велько. – Ты ведешь себя непристойно. Похъелец вытащил нас, считай, из пасти этого Хауги, кем бы он ни был – а ты оскорбляешь его.

Он повернулся к колдуну:

– Прошу, друг, расскажи, что ты знаешь о Хауги!

Нойда помолчал, как будто думая, стоит ли вообще что-то говорить новгородцам.

– Великий Хауги – не просто какое-то «здешнее чудище», – наконец произнес он. – И заманили вас сюда вовсе не затем, чтобы отпустить обратно целыми и невредимыми.

– Заманили? – резко спросил Нежата. – Кто заманил?!

Вдруг он осекся и замолчал, краснея. Велько поглядел на него и вздохнул.

– А вот что скажи, чародей, – вновь спросил он нойду. – Тот вещий сон, что приснился Везунчику... Ты знаешь, он чем он был? Арнгрим говорил?

– Говорил. Ярлу приснилось, что на одном из здешних островов есть тайные врата, что ведут в подземелья древней чуди, полные сокровищ. Остров тот якобы построен из костей, охраняет его водяной дракон...

– Сокровища? – восторженно спросил Нежата.

– Они существовали только во сне Везунчика, – хмыкнул Велько. – Теперь ясно, почему его сюда понесло! Победить дракона и захватить клад – какой же нурман упустит такую возможность! Кстати, брат, ведьма с Кукушкина острова ничего не говорила тебе о кладе?

При слове «ведьма» Нежата вздрогнул.

– Гм-м... Нет.

– Даже странно.

– На что это ты намекаешь?!

– Да так... Она послала тебя к своей сестре... Нойда, слыхал ли ты что-нибудь о живущей где-то здесь ведьме? «Старшей сестре», что живет в доме на костяных ногах?

Нойда недобро усмехнулся.

– Разве вы не слышали сказание о старухе Ябме-Акка? Половина тела у нее живая, а вторая – костяная. Она сторожит врата в страну мертвых, владения Калмы... Вот куда послала вас ваша колдунья!

Нежата стиснул зубы.

– Как жаль, что я ее не встретил на Кукушкином острове, – покосившись на него, сказал Велько. – Очень жаль...

– Не жалею, брат, – мрачно отозвался Нежата. – Вижу, к чему вы оба клоните. Может, ведьма и одурманила меня, и сбила с пути... А перестать думать о ней все равно не могу. Если бы ты сам заглянул в ее глаза, все враз понял бы! Они как синий огонь...

Никто из братьев не заметил, как при этих словах перекошилось лицо нойды. Но в следующий миг он овладел собой и опять стал спокойным и равнодушным.

– Все ясно, – Велько похлопал брата по плечу. – Я, признаться, давно уже подозревал, что твоя синеглазка заодно с этим Великим Хауги. Может, нойда и прав – пока мы охотимся на ящера, кто-то ловит нас...

– Еще посмотрим, кто кого ловит, – посулил Нежата.

* * *

Так они плыли, пока не начало темнеть, мимо тихих, чужих берегов. Скалистые острова сменялись темными затонами. К закату ветер совсем стих, и малиновое небо отражалось в неподвижной воде. За весь день они не встретили никого – ни человека, ни зверя. Велько было не по себе от этой жутковатой, выжидающей тишины.

На ночевку устроились на длинном мысу, поросшем молодым березняком. Небо усыпали звезды, ночь была теплой, и шалаш решили не ставить.

– Я первый буду сторожить, – сказал Велько. – Не могу уснуть... все кажется, будто кто-то смотрит в спину.

– Вот и хорошо, – зевая, ответил Нежата. – А я уже в лодке едва не заснул... Поглядывай, как бы кто из воды не полез...

Когда он устроился на ночлег, Велько отошел подальше от костра и достал гусельки, с которыми никогда не расставался. Они были совсем невелики, – с две ладони, – о пяти струнах, с тихим и несколько писклявым голосом, зато легкие и сподручные. Да много ли надо, чтобы подыграть дружескому пению на привале у костра или в долгом переходе? Велько подкрутил колки, провел пальцами по струнам – гусельки отозвались веселым звоном. Глядя на медленно догорающий над лесом закат, он начал перебирать струны, и над мысом полились незамысловатые серебристые созвучия. Велько прикрыл глаза. Перед ним теснились образы, и слова новой песни готовы были соскочить с языка. Да вот только не рано ли славить битву, если враг еще не повержен?

– А петь будешь? – слышался рядом негромкий голос похъельца.

Велько положил ладонь на струны и открыл глаза. Нойда сидел поблизости, поджав под себя ноги и склонив голову набок. В сумерках похъелец, с его бабьими косами и гладким скуластым лицом, был особенно похож на девицу.

– Слушаю твое поющее орудье, – объяснил нойда, почтительно кивнул на гусли. – В моем народе таких нет.

– А какие есть?

– Никаких. Мы просто поем. Мир полон песен, и мы поем вместе с ним...

– Как же твой бубен?

– Он не для песен у очага, – строго сказал нойда. – Это небесная лодка, иногда – крылатый олень. Смотря в какой мир собираешься...

Похъелец потянулся было к гуселькам, но тут же отдернул руку.

– Я не устаю удивляться, – тихо, будто извиняясь, сказал он. – Высушенное дерево и мертвая кость поют нежнее, чем живое человеческое горло! В нурманских владениях я не раз бывал у тамошних вождей и слушал игру на тальхарпе. Ее гудение бережит душу сильнее, чем любая песня... Будто духи ручьев и гор слетелись в пиршественный чертог... Но мне ни разу не дали не то что прикоснуться, даже поглядеть на нее вблизи – опасались, что могу сглазить...

– На, посмотри.

Велько протянул гусли. Нойда недоверчиво покосился на него.

– Не боишься давать в руки колдуну?

– Нет. Меня сглаз не берет.

Нойда принял гусельки так осторожно, словно они были из птичьей скорлупы. Провел ногтем по струнам, те отозвались стройным звоном. Похъелец восхищенно вздохнул.

– Дай, – Велько забрал гусельки, – теперь спою.

Его пальцы ловко забегали по струнам. Решив отложить сочинение новой песни на потом, Велько запел старую – ту, что сочинил еще в Новгороде, перед самым отплытием. Песня была длинная. Нойда, хоть и не понимал ни слова, слушал затаив дыхание.

– О чем эта песнь? – спросил он, когда Велько умолк.

– А вот послушай. Лет этак двадцать назад завелся в землях словен, в реке Волхове, в Ильмень-озере, страшный ящер. Был он побольше морской лодьи, а пасть у него была такая, что муж в броне туда целиком помещался. И давай тот ящер лютовать. Сперва сети рвал, рыбаков пугал, лодки топил. Потом за большие лодьи принялся. Дошло до того, что вся торговля по Волхову остановилась. Даже рыбу ловить с пристани люди боялись...

– Карелы то же рассказывали, – кивнул нойда.

– Слушай дальше. Новгородцы пытались с тем ящером справиться, да все напрасно. Только множество славных воинов зря погибло. Видно, того водяного гада орудие не брало. Тогда пошли за помощью и советом к волхвам, слугам Велеса, Лесного Батюшки...

– Почему к нему? – спросил нойда.

– А к кому еще? Всякий словенин знает, что батюшка-Велес в незапамятные времена являлся в наших землях в облике Ящера. И ныне все звери, что лесные, что небесные, что водяные, под его рукой ходят. Словом, спросили волхвов, и те сказали: сражаться с водяным чудищем бесполезно, смертным оно не по зубам. Нужно принести жертву.

Нойда вновь кивнул.

– Выбрали, как водится, лучшую девуцу, – продолжал Велько. – Красавицу, дочь именитого горожанина. Хоть она и была просватана. Отвезли ее нарядную к Волхову, и с высокого берега в воду бросили... Прошло три дня... и вдруг девушка вернулась!

– Ящер не принял жертву?

– Ну как сказать! Сперва люди тоже так подумали. Но ящер после этого пропал, будто его и не было. Девуцу ту вскоре выдали замуж за давно сговоренного жениха. И в положенный срок родились у нее сыновья-близнецы...

– Уж не вы ли? – догадался похъелец.

– Именно.

Нойда с любопытством поглядел на Велько.

– Ты чужак, – добавил тот, – не то бы знал, что нас с детства в Новгороде прозвали змеевичами.

– А что ваши шаманы сказали?

– Волхвы-то? Да толком ничего. Сколько раз нас мальчишками на капище таскали, но Велес не отозвался, не признал нас... И то сказать – вот если бы с братом умели, скажем, огонь выдыхать, или чешуей обросли, всем бы все стало ясно. А так уже восемнадцатый год пошел, а вокруг все шепчутся, чьи мы дети – то ли человечесьи, то ли змеевы...

Похъелец вновь кивнул, но промолчал и снова принялся глядеть на гусельки.

– Ты будто и не удивлен, – удивленно сказал Велько. – А мы с Нежатой ведь вполне можем оказаться сыновьями бога!

– Чему же тут удивляться? Боги часто берут в жены земных женщин. Да и не только боги. Духи, мертвецы, змеи и медведи – всем охота жить семьей. У моего учителя была небесная жена – крачка...

Велько рассмеялся, решив, что нойда шутит.

– У нас в соседнем селении сейд женился, – продолжал тот.

– Сейд? Камень?!

– А что такого? Баба и ребенка от него родила. Да вот только до своих смертных детей таким отцам обычно дела нет. Ну а если какая богиня польстится на красивого земного парня, то он своих детей уж точно не увидит...

Нойда умолк, а потом вдруг встал, подошел к воде и запел – вернее, завел тягучий напев, нечто вроде «лы-лы-лы», словно бросая мелкие камешки в воду и прислушиваясь к всплеску. Велько растерянно слушал, не понимая, что затеял колдун. А нойда все тянул свои «лы-лы-лы», то выше, то ниже, и каждый звук, похожий на звяканье капель, возвращался то плеском, то эхом, то еле слышным шепотом ветра.

Велько тоже замер, прислушиваясь, и понемногу ему начало казаться, что Черный островняк, такой неприветливый и настороженный все эти дни, словно успокаивается, а затем понемногу начинает просыпаться. По озерной воде пробежала рябь, как будто кто-то стремительно проплыл под самой поверхностью. В березняке вспыхнули и тут же погасли зеленые глаза. Сверху, в кроне ближайшего дерева, захлопали крылья, будто ночная птица прилетела

послушать странные песни похъельца. А тот вдруг прекратил свои распевки, хлопнул в ладоши и речитативом, полупшепотом завел то ли песню, то ли рассказ...

Велько слушал, и перед ним будто неслись тени в тумане. Отзвуки далеких голосов, рычание зверя, слепящие вспышки молний, зеленые переливы в ночном небе...

– Эта песня о лунной деве, – заговорил нойда, оборвав речитатив так же внезапно, как его завел. – Ее звали Никийя, и она была дочерью богини, хоть и не знала об этом. Жила она на острове посреди озера со старым отцом-рыбаком. Когда-то в сердцевине старой ольхи, которую лунный луч расщепил надвое, как лезвие топора, старик нашел девочку, чье лицо всегда казалось озаренным светом. С тех пор на острове никогда не было мрака: днем его озаряло солнце, ночью луна, а зимой небесные сполохи. Но старик никогда не рассказывал дочке, откуда она взялась – он боялся, что если Никийя узнает, то покинет его.

Но старания старика уберечь дочку ни к чему не привели. Когда она подросла, ее украл медведь из соседнего леса, себе в жены. «Я еще слишком мала, чтобы стать тебе женой», – ответила ему дева. «Ничего, – сказал медведь, – поживешь пока у меня в лесу. А я буду кормить тебя человечиною, пока ты не подрастешь. Главное, никогда не ходи в землянку на болоте...»

Но Никийя все-таки пошла туда, когда медведя не было дома, и обнаружила там юношу-пленника, скованного цепями.

«Прошу, выпусти меня, – попросил он. – Я так истосковался по свету...»

Никийя пожалела его и выпустила. В этот миг вдруг загремел гром, глаза юноши вспыхнули огнем, а волосы его поднялись дыбом. Дева поняла, что пленник вовсе не был человеком.

Тут явился медведь и встал на дыбы, чтобы убить пленника.

«Подними с земли ветку и брось в медведя!» – воскликнул юноша.

«Разве можно навредить медведю какой-то веткой?» – печально спросила дева.

«Или ты мневеришь, или мы оба погибнем!»

Тогда Никийя бросила ветку в медведя. Ветка в полете обернулась молнией, и поразила хозяина зверей насмерть. В тот же миг юноша сбросил цепи со своих рук. Это был Тиермес, бог грома.

«Пойдем со мной, Лунная Дева, – сказал он, – пора тебе вернуться на небо, в дом северного сияния...»

– Я понял! – воскликнул вдруг Велько. – Ты прав, и ваш бог грома дал деве хороший совет. Не жертв, а подвигов ждут боги от своих земных детей! Жертвы пусть жрецы приносят...

Нойда не успел ничего ему ответить – вспугнутая громким возгласом птица, которая недавно шуршала где-то по соседству, взвилась в небо. Лишь увидев в темно-синем небе уносящийся вдаль крылатый силуэт, Велько понял, что никакая это была не птица.

– Опять она! – воскликнул он. – Ты ее видел?!

– О Луот, – пробормотал нойда. – Да это же тунья!

– Кто?

– Карелы их зовут крылатыми марами, саамы – тунами. Колдовской народ людей-птиц с дальних пределов Похъелы. Я никогда их не видел, только слышал о них. Странно, что тунья следила за нами – они избегают людей...

– Я ее уже недавно видел, – сказал Велько. – Ночью, на нашей первой стоянке.

– И что она, напала на тебя?

– Вовсе нет. Я говорил с ней и подарил ей обручье.

Нойда поглядел на Велько каким-то совсем другим взглядом.

– И она взяла? Гм-м...

Неподалеку от костра послышался стон. Собеседники одновременно обернулись. Нежата, о котором они совсем забыли, метался и стонал во сне.

– Разбуди его! – резко сказал нойда. – Скорее! Не нужны ему такие сны...

Велько шагнул было к костру, но его брат уже сам очнулся. Приподнявшись на локте, он запустил пальцы в волосы, глядя перед собой ошалевшими глазами.

– Как ты, братишка? – склонился над ним Велько. – Что-то приснилось?

– Да-да, – пробормотал Нежата, все еще не отойдя от сна. – Приснилось...

Он поднял взгляд на брата, словно пытаясь что-то осмыслить, и вдруг кровь отхлынула от его лица.

– Да что с тобой такое?

– Ничего... – отмахнулся Нежата, глядя на брата чуть ли не с ужасом. – Чепуха прирешилась...

Он встал, отошел к берегу и принялся умываться.

– Больше не усну, наверно...

– Ну, раз проснулся, так и сторожи, а я пожалуй лягу спать, – отозвался Велько. – Ну и ночка...

Велько устроился на ночлег и вскоре уснул. Нойда же спать не пошел, расположился под молодой елкой неподалеку от костра, украдкой следя за Нежатой.

А у того из головы не шел сон. Явилась ему ведьма с Кукушкиного острова, и глядя ему прямо в лицо своим полыхающим синим взглядом, в котором безвозвратно тонули и разум, и воля, проворковала: «У бога может быть только один сын...»

Глава 6. Бой на рассвете

– Мы все делали неправильно!

Братья стояли на мысу. Со всех сторон их окружал тихий предутренний туман, пронизанный первыми розоватыми лучами солнца. Близнецы оба были снаряжены как для битвы. У одного в руке меч, у другого – секира.

– Песня нойды подсказала мне это, – делился своими догадками Велько. – Волхвы сбили с толку с и нас, и матушку. Но они мыслили как смертные, да и мы тоже. Люди подкупают нежить дарами, чародеи стараются подчинить ее себе, да не всегда выходит...

– К чему ты ведешь? – спросил Нежата. – К тому, что карелы хотели подсунуть нас этому Хауги как жертву? Я это подозревал, достаточно было посмотреть на лицемерную рожу Кевита. Думаешь, зачем они ходили к ведьме? Спрашивали, какую плату надо отдать Хауги, чтобы он уплыл из их краев...

– Это тебе тоже ведьма рассказала? – хмыкнул Велько. – Впрочем, похоже на правду.

– Я вот думаю, а может надо прихватить Кевита с собой? Наверняка для чудища он был бы повкуснее, чем пряник...

– Нет, так это не делается. Жертва случайной не бывает. Должно быть знамение... знак...

– Кстати, по пути сюда мы нашли на острове похъельца! Ну чем не знак?

Велько хмыкнул.

– Отдать чудищу нашего колдуна? Тут ты малость опоздал.

– Думаешь, я не смогу связать его и кинуть в воду, если пожелаю?

– Думаю, уже нет...

– Что же мне помешает?

– Он и помешает. Да и я буду против.

– Но почему? – воскликнул Нежата. – Что ты с ним возишься? Смотри, лопарь ни имени, ни прозвания своего нам не сказал. Почему он ушел из своих земель, зачем приплыл сюда с Арнгримом, как оказался связанный на острове? Он молчит...

– Конечно, молчит. С чего бы ему нам доверять? Однако он вытащил нас из беды в ильменах, и отплатить ему злом было бы подло... и опасно. Оставь пустые мысли, брат. И послушай меня. Повторяю – мы мыслили как люди, думающие, как бы заслужить милость божества. Но право зваться сыном бога не покупается жертвой. Оно добывается в бою.

– А, вот ты о чем, – протянул Нежата, начиная улыбаться. – Ну, мне это нравится!

– Да. Вспомни нурманское сказание о драконе и герое, его сыне. Лишь тогда, когда сын победил его в бою, дракон признал его равным себе. Думаю, нам надо вызвать Хауги на поединок.

– Нам? – нахмурился Нежата. – Мне! Я ведь родился первым, не забывай!

– Да, да. Я помню, что ты старший. Сразись с Хауги – и если он в самом деле наш отец-ящер, он нас признает.

– Что ж, – Нежата поудобнее перехватил рукоять меча. – Тогда не будем терять время...

* * *

Нойда сидел на замшелой скале, поднимавшейся над розоватым туманом, словно остров. В руках он держал сломанный бубен – обечайку с обрывками кожи. Нойда медленно поворачивал его, раздумывая, как вернуть помощнику голос и силу. На душе у него было мутно. Всякий раз, как его взгляд падал на изодранного «оленья», похъельцу приходилось подавлять закипающую ярость. А пустой гнев на Арнгрима и недостойное злорадство относительно постигшей нурманов участи только мешали здраво мыслить. И ухудшали без того

непростое положение, в которое он угодил вместе с этими бестолковыми словенскими парнями...

«Проклятый Арнгрим, да сгниют его кости! Что же он наделал! Я словно ослеп и остался без рук!»

До последнего мига нойда не ждал от него зла. Даже когда ему уже заломили руки, он все еще надеялся переубедить Арнгрима. Теперь-то он понимал – зря надеялся. Нечто исподволь захватило разум морского ярла и заманило в Черный островняк. А после того гадания, видно, произошло что-то еще. Когда ночью Арнгрим, словно берсерк, изрубил бубен, нойда был почти уверен, что пришел его последний час. Но все же ярл ограничился тем, что велел привязать шамана к дереву. «Мы заберем тебя на обратном пути!» Когда нойда услышал эти слова от Нежаты, его мороз пробрал. Ведь то же самое сказал ему Арнгрим всего днем раньше...

«Сам хорош! Мог бы заметить и раньше, что с ним происходит...» Нойде было стыдно вспоминать, как он попался. Но он считал Везунчика другом. Тот был ему обязан больше чем жизнью, и они оба это знали. В своем уме Арнгрим никогда бы так не поступил с ним – а значит, и злиться на него не стоит.

«Злись на себя. А Везунчику помощи – если ему еще чем-то можно помочь...»

Прежде туго натянутая кожа бубна, покрытая тайными знаками трех миров, повисла по краям обода жалкими ошметками. Надо будет обтягивать новой кожей, наносить новый рисунок. В сущности, давно нужно было это сделать. Бубен принадлежал давно погибшему учителю нойды. Обычно всякий шаман мастерил бубен сам. Но тогда... Нойда опять вспомнил ужасный день, который и без того всплывал в его памяти чересчур часто. В миг великой беды ему пришлось взять бубен прямо из могилы учителя и безмерным усилием подчинить себе чужих духов.

«Видно, пришло время отпустить тебя, – он посмотрел на бубен. – Отпустить к учителю, завести свой. Но как же это не вовремя! Сейчас нужно отправиться наверх, но я не могу это сделать без летучей лодки...»

Откуда-то из розовеющего марева послышался далекий, слабый вой. Нойда поднял голову, прислушиваясь. Вой повторился и умолк, сменившись слабым повизгиванием.

Собака? Нойда вспомнил вой в ильменах. Поколебавшись, он встал и засвистел, подзывая ее.

Повизгивание смолкло. Нойда терпеливо ждал. Вскоре в тумане над озером появилась тень. Большими скачками она приближалась к берегу. Похъелец положил руку на рукоять ножа. Его повседневный костяной нож Арнгрим переломил надвое, наступив на него. Однако железный нож уцелел, затерявшись в черничнике, а он-то и был сейчас нужен – на случай, если что-то пойдет неладно. Нет ничего лучше железа против нежити.

Тень приближался. Светлые глаза нойды широко раскрылись от удивления: это был призрак белой лайки.

– Иди сюда! – крикнул он.

Дух подбежал и остановился, не приближаясь к берегу, внимательно глядя на шамана.

– Я помогу тебе. Я заберу тебя отсюда. Мы пойдем вместе, не бойся Хауги, – заговорил нойда. – Со мной ты безопасно доберешься до Древа Душ. Только покажи мне путь, а я буду охранять тебя...

Призрак чуть вильнул закрученным хвостом. Нойда провел рукой по груди, нашарил один из оберегов и бросил в озеро. Та опустила голову, обнюхивая круги на воде... Потом выпрыгнула на берег, пробежала мимо нойды и метнулась в туман. Нойда устремился за ней.

Они долго куда-то бежали в тумане. Тропа шла все вверх и вверх, среди мертвых деревьев и замшелых скал. Нойда быстро устал, он тяжело дышал и спотыкался, горло его горело, а колени подгибались. Но он ни разу не остановился, чтобы передохнуть – слишком опасался

потерять в тумане своего проводника. Ни разу еще он не отправлялся в верхний мир таким долгим, хлопотным и неудобным способом, но особо выбора сейчас не было.

Наконец, когда нойда готов был свалиться от усталости, вокруг посветлело и туман начал расходиться.

– Наконец-то, – пробормотал он.

Ветер рвал белое марево на части, клочья тумана разлетались, открывая гористые просторы и море далеко внизу. Нойда прищурился, чувствуя, как его сердце наполняется радостью узнавания.

– Белая Варака! – невольно воскликнул он.

Такое имя носила священная сопка, что высилась на самом берегу Змеева моря в его родных краях. Подниматься на нее просто так было запрещено – всякий знал, что ее вершину посещали боги. Однако эта гора отличалась от той, на которую нойда много лет назад лазал со своим учителем. Нойда прекрасно помнил, что на вершине Белой вараки всегда лежал снег. А тут мох сменился пышной зеленой травой! Да и небо здесь было другое. Не высокое, холодное северное небо, а золотистый купол, распространяющий мягкое, мерцающее свечение...

«Это не небо, а крона, – понял вдруг нойда. – Ну конечно – лайка вывела нас к Древу Душ!»

Древо Душ занимало все видимое пространство, и уходило далеко за его пределы. Его ветви обнимали небо, а корни пронизывали землю. Казалось, кора исполинского ствола Древа непрерывно шевелилась. Однако когда нойда пригляделся, то увидел, что это карабкаются вверх бесчисленные звериные души, разбегаясь дальше по ветвям и исчезая в зеленовато-золотистом облаке кроны. У нойды закружилась голова, когда он попытался охватить взглядом этот туманный, мерцающий мириадами огней свод. Из облака медленным дождем лились золотистые живые капли. Новые звериные души, словно семена, падали вниз на землю, в леса, болота и озера, чтобы одеться новой шубой и родиться снова.

У нойды перехватило дыхание. Конечно, он много раз слышал о Древе Душ, но сам впервые сумел добраться до его подножия. Он знал, что там наверху, за пределами золотого облака, трудятся боги. Лишь самые сильные из шаманов способны увидеть их и вернуться назад, сохранив разум... Нойда опустил взгляд и крепко зажмурился. Ему казалось, он увидел нечто, что людям видеть не следует.

– Спасибо тебе, – сказал он вертевшейся рядом лайке. – Да родишься ты вновь в своем племени!

Та, помахав ему хвостом, унеслась вдаль. Нойда увидел издалика, как она поднимается, перепрыгивая с ветки на ветку, а потом потерял ее в сонме ожидающих нового рождения душ.

Тогда он с усилием отвернулся от Древа и начал смотреть вниз.

Отсюда, со священной горы, многое, что в земной жизни было скрыто покровами духовной слепоты и неразумия, виделось намного яснее.

Вот Великий Хауги, преследующий новую добычу, уже почти настиг ее. Из верхних пределов хорошо видна его истинная сущность – звериный облик, искаженный властью могучей, нечеловеческой воли. Кто превратил зверя в чудище? Неужели тот бог, детьми которого так надеются оказаться близнецы? Едва ли. Великому Хауги ничего от них не надо – он стремится лишь сожрать их. Он уже забрал жизни нурманов, и теперь ему нужны словенские мальчишки. Они самонадеянны и ничего не знают, но если в них в самом деле течет божественная кровь – они могут и победить...

Кто же заманил в Черный островняк и словен, и Арнгрима? Кому послушен водяной хищник?

...откуда-то, словно издалика, донеслись крики и ругань.

Нойда с недоумением обвел взглядом безмятежные морские просторы.

...где-то совсем поблизости лязгнуло железо о камень, плеснула вода...

– Велько, берегись! Вон он, справа!

Нойда распахнул глаза и выпрямился. Он сидел на все том же камне, неподалеку от места ночевки. Перед ним простиралась гладь озера. Просидел он, видимо, совсем недолго – край солнца едва выглянул из-за леса, последние завитки тумана таяли над водой. Откуда-то из-за березняка доносились отчаянные вопли Нежаты:

– Брат! Где ты, брат?!

Нойда вскочил и кинулся на голос.

* * *

Длинная отмель, поросшая редким камышом, полого уходила под воду. Братья, приметившие ее еще накануне, стояли у самой кромки воды, оглядываясь и прислушиваясь. Нежата вздохнул и с мечом наготове зашел по колено в озеро.

– Как там тебя, Великий Хауги! – кривя губы в улыбке, окликнул он. – Выходи на бой!

– Нойда сказал, что он следит за нами, – тихо произнес Велько.

– Вот и надо было кинуть колдуна в воду! А пока ящер будет его жрать...

Вода вдруг забурилась, отмель дрогнула под ногами. Глухой гром, донесшийся будто бы со дна озера, заставил братьев замереть. А в следующий миг Нежата вскинул руки и, не успев даже вскрикнуть, исчез под водой. Велько кинулся туда, где только что стоял брат, и увидел нечто вроде длинного, замшелого плоского камня, который бесшумно двигался под самой поверхностью, быстро погружаясь. Велько прыгнул и с размаху ударил секирой. Но острое железо отскочило со звоном. Чудище дернулось и повернулось на бок. Перед глазами Велько промелькнуло огромный кожистый плавник, и молодой воин рухнул в воду. Когда он вынырнул, отплеываясь, то первое, что увидел – Нежату, который быстро плыл к берегу. «Хвала богам, спасся!» – возликовал Велько и кинулся вслед за ним. Биться с чудовищем прямо здесь, во взбаламученной воде, он не собирался.

Нежата, нащупав дно, встал на ноги и завертел головой.

– Я здесь! – закричал Велько.

Внезапно ногу его стиснуло с такой страшной силой, словно она угодила в медвежий капкан. Бедро пронзила резкая боль, которая мгновенно сменилась полным онемением. Резкий рывок, и неодолимая сила повлекла Велько вниз. Вода сомкнулась над его головой, и через миг на поверхности озера не осталось ничего, кроме расходящихся кругов.

– Брат! – заорал Нежата, словно очнувшись. – Брат, где ты?!

В это время из березняка появился нойда. Ему хватило мгновения, чтобы понять, что тут произошло. Он видел Нежату, который топтался на мелководье, пытаясь понять, где исчез его брат. Он чуял Великого Хауги, который волок добычу на глубину, чтобы утопить. Он даже успел мельком увидеть чудище, и понял наконец, кого оно напомнило ему, когда впервые напало на лодку в ильменах.

«Никакой это не ящер! Это огромная щука!»

Нойда глубоко вздохнул. Что ж, осталось только одно. Сейчас бы покрепче за что-нибудь ухватиться, но опять совсем нет времени...

«О Каврай, отец колдовства! Ты знаешь, в воде я бессилен. Великий Старик отвернулся от меня, я виноват перед ним и перед своим родом, я был изгнан и проклят, и не могу ни о чем тебя просить. Но я не собираюсь смотреть, как злобная нежить губит людей, и бездействовать!»

Его руки нашарили привязанную к поясу веревку и развязали второй узел. Воздух наполнился шумом и гулом, быстро переходящим в низкий вой. Полетели листья и песок, озеро подернулось волнами. На тем месте, где Хауги утащил под воду Велько, воздух сгустился, помутнел и начал быстро вращаться, всасывая воду. Вскоре изумленный Нежата увидел перед собой завывающий водяной столп, который покачивался, всасывая воду, и рос, рос...

Опомнившись, юноша кинулся к берегу. Он успел очень вовремя – еще немного, и вихрь затянул бы и его. Нежата выбрался на берег и вжался в землю, закрывая руками голову. Летящий песок хлестал его и колот, от воя ветра сводило зубы. Позади раздался могучий удар, затем влажные шлепки. Вой ветра перешел в пронзительный свист и вдруг умолк.

Нежата приподнял голову и оглянулся. На отмели корчился Великий Хауги, бил огромным хвостом, разевал зубастую пасть. Неподалеку в быстро расплывающейся луже крови лежал Велько.

– Помоги ему, – раздался рядом хриплый голос похъельца.

Тот стоял поблизости, держа в дрожащих руках веревочку, с таким бледным лицом, будто это его, а не Велько сейчас пытались утопить.

Нежата вскочил на ноги. Он огляделся и радостно вскрикнул, увидев на песке свой потерянный в воде меч – вихрь выкинул на сушу и его. Нежата схватил оружие, подбежал к гигантской щуке и с размаху вонзил клинок в плоский желтый глаз.

Великий Хауги заметался как безумный. Он сбил парня хвостом, выгнулся, скатился с отмели и исчез под водой. Нежата склонился над Велько. Тот был без сознания; нога от бедра до колена – один сплошной кровавый пузырь. Нежата стиснул зубы, подхватил брата под мышки, выволок с отмели на берег и на миг замер, не зная, за что хвататься. Велько был без сознания – казалось, уже и не дышал. На раны на его ноге было жутко взглянуть – загнутые рыбой зубы разорвали ему бедро, он истекал кровью.

– Он умирает! – вырвалось у Нежаты, и лицо его исказилось от отчаяния.

– Никто не умрет, – послышался сзади голос нойды.

Похъелец, про которого Нежата и позабыл, уже пришел в себя и стоял рядом.

– Надо остановить кровь. О Каврай помоги! Сил совсем не осталось!

– Ты можешь его спасти? – с надеждой кинулся к нему Нежата. – Прошу, колдун, помоги ему! Ничего не пожалею!

– Ох, непросто...

– Лечи давай! – рявкнул Нежата. – Знаю, ты можешь! Если откажешься, и он умрет, я тебя вслед за ним к дедам отправлю!

Нойда не обратил внимания ни на мольбы, ни на угрозы. Он напряженно думал. Взгляд его скользнул по поясу Велько, и вдруг его лицо оживилось.

– Вот что! Сбегай скорее к месту ночевки и принеси его гудящее дерево...

– Гусли, что ли? – изумился Нежата. – Зачем?

– Надо. Ты сам на них играть умеешь?

– Могу малость, – растерянно отозвался парень.

– Вот и славно. Подыграешь мне. А я буду петь. Скорее!

Нежата, словно подстегнутый его резким окриком, метнулся в березняк. Вскоре он вернулся с гусельками. Нойда стоял на коленях перед Велько, протянув перед собой руки ладонями вниз.

– Играй, что бы ни происходило, – приказал он, закрывая глаза.

– А что может...

Нойда глубоко вздохнул, опустил обе руки, почти касаясь раны Велько, и запел.

С первых же звуков странной песни, то протяжных, то отрывистых, Нежата ощутил то, о чем часто говорил его брат, но сам он чувствовал весьма редко – рождение чар. Каждое слово этого заклинания было наполнено силой. Слова незнакомого языка падали, будто тяжелые капли теплого дождя. Нежата ощутил, как его руки и живот обволакивает тепло. Когда Великий Хауги сбил его хвостом, он крепко ударился о скалу, но заметил это только сейчас, когда саднящие царапины на руках вдруг перестали ныть и начали закрываться прямо на глазах.

Нежата сперва оторопел, но потом спохватился и ударил по струнам, – и в тот же миг ощутил, как похъельские исцеляющие чары стали многократно сильнее. Песня нойды полилась громче и увереннее, даже его спина разогнулась, на острых скулах проступил румянец. Измятая трава вокруг того места, где они устроились, зашевелилась и начала тянуться к небу. Над мокрой одеждой Велько начал клубиться пар. Кровь больше не текла. Нойда медленно водил руками над его прокушенным бедром, и каждым плавным движением будто заглаживал рваные раны. Гусли в руках Нежаты становились все горячее, струны уже обжигали его пальцы.

– Эй, колдун... – осмелился позвать он. Однако нойда, не открывая глаз, продолжал творить волшебство. Велько, прежде лежавший как утопленник, зашевелился, дернулся, застонал.

– Играй, – прошипел нойда, проводя ладонью над лбом раненого.

Гусли вдруг вспыхнули ярким пламенем прямо в руках у Нежаты. Тот с проклятием отбросил их. В тот же миг стонавший Велько умолк, глубоко вздохнул и затих.

– Брат! – бросился к нему Нежата.

– С ним все хорошо, – устало ответил нойда, открывая глаза. – Он уснул.

В самом деле Велько дышал ровно, щеки его чуть порозовели. Нежата перевел дух.

– Лихорадки не будет, – сказал колдун. – Рана на ноге заживет быстро. Но сражаться в пешем бою в ближайшие дни он не сможет. Хорошо, что у нас лодка – идти он все равно бы не смог. Надеюсь, что на зубах твари не было яда...

Нежата нахмурился.

– Слушай, колдун, – повернулся он к нойде. – Ты ведь видел его, этого Хауги? Заметил, что это не ящер?

Нойда кивнул.

– Это шука.

Нежата выругался.

– Значит, не показалось! Никакой это не ящер! Просто здоровенная рыба...

– Не просто рыба, – строго сказал нойда, – а перерожденная. Иной раз зверь живет насколько долго, что душа его, не дождавшись нового рождения, начинает менять свое тело. Такие звери порой приобретают ужасное обличье. В них очень любят вселяться злые, вредоносные духи...

– Просто шука, – не слушая его, уныло повторил Нежата.

Нойда поглядел на парня с сочувствием.

– Горюешь, что Великий Хауги – не ваш отец? Лучше порадуйся, что это не так! Зато вы совершили доброе дело, избавив карелов от этой напасти. А отца вы еще встретите. Кровь богов водит людей неторными тропами...

– А ты откуда знаешь? – взелся Нежата. – Кто ты вообще такой? Вся дружина Везунчика исчезла, ты один остался! Эта тварь на нас уже дважды нападала, а тебя небось не тронула!

Нойда только плечами пожал. Нежата обозлился.

– Думаешь, я только угрожать могу? Зря ты так думаешь! У колдунов внутри такие же потроха, как у всех прочих...

– Убьешь меня – живым отсюда не выйдешь, – раздраженно ответил похъелец. – Неужели еще не понял? Твой брат соображает быстрее тебя. Зря он за тобой в воду полез...

– Ты что сказал?! – изумился Нежата.

– Вы сейчас в трясине по самые уши, барахтаетесь и сами того не видите. Тот, кто наслал на карелов Хауги и заманил сюда нурманов, вас отсюда не выпустит. Или сам не видишь, что вокруг вас творится злое колдовство?

– Вот и вопрос, кто его творит! По-моему, единственный колдун здесь – это ты!

Нежата подобрал с земли меч, выразительно глядя на нойду.

– Так что хорошенько подумай, прежде... Батюшка-Гром, это еще что?!

С меча на землю, дымясь, часто капала кровь. И это была не холодная рыбья кровь Хауги – когда Нежата отер клинок, алая капель не прекратилась. Кровоточил сам меч.

– Это ты устроил?! – пробормотал Нежата, глядя на меч так, словно тот обрел свою волю.

– Гм, кровь сама потекла из меча, – покачал головой нойда. – Плохая примета!

– Прекрати, проклятый колдун!

– Так и есть, – усмехнулся нойда. – Я проклятый колдун – и может быть, если боги будут к нам добры, я даже смогу вытащить вас отсюда...

Глава 7. Костяной остров

Когда стало ясно, что Велько вне опасности, пришло время задумался, что делать дальше. Смысла оставаться на острове Нежата не видел. Великий Хауги был если и не убит, то сильно ранен. По крайней мере, больше он не показывался.

– Залег где-нибудь и подышает в камышах... Собирайся, похъелец, возвращаемся!

Вдвоем они перенесли бесчувственного Велько в лодку и закутали в плащи, укрывая от сырости. День, начинавшийся красивым рассветом, обещал стать дождливым. Низкие облака ползли над вершинами сосен, бросая на все серую тень.

– Может, наколдуешь попутный ветер, чтобы домчал нас побыстрее? – окликнул нойду Нежата, разворачивая парус. – У тебя там еще узелков не осталось? Эй!

Ответом ему была лишь тишина – нойда лежал на дне лодки рядом с Велько, свернувшись клубком, и спал, как убитый.

– Ах вот ты как! А я, значит, не устал?

Нежата поставил парус, поймал ветер, и лодка отправилась в обратный путь. Подгоняемая холодным ветерком, она медленно скользила по протоке. Нежата сидел на руле, равнодушно поглядывая по сторонам. На душе у него было невесело.

«Как же я вернусь ни с чем? Без славы, без добычи... Даже башку твари не отчекрыжили, чтобы показать ребятам! Да еще брат ранен! Всей добычи – только этот длинноносый...»

Нежата искоса поглядел на спящего нойду. Похъелец уже дважды помог им выбраться из крайне неприятных переделок, вдобавок он спас жизнь Велько. Братьям приходилось бывать в боях, и Нежата прекрасно понимал, что рана Велько была смертельной. Если бы не чары нойды, брат попросту истек бы кровью еще там, на берегу... «И теперь мы у него в долгу – а ему будто и дела нет. Надменный похъелец, как он меня злит! Если он так же бесил Везунчика, понимаю, почему его привязали к дереву...»

За бортом журчала вода, по берегам шумел лес. В пасмурный день сосновые боры на высоких скалах казались почти черными. «Ненавижу это место», – подумал Нежата.

Он окинул взглядом окрестности, и почти кожей ощутил взаимную неприязнь. «А уж оно-то как нас ненавидит!»

В разрыве облаков на миг проглянуло бледное солнце и снова скрылось за плотной пеленой. Однако этого мига хватило, чтобы Нежата кое-что заметил. Выругавшись, он бросил руль и кинулся тормозить нойду.

– Что? – приоткрыл глаза тот.

– Протока повернулась!

Нойда открыл глаза и сел.

– Как это?

– Я никуда не сворачивал, плыл прямо! Но мы должны плыть на юг, а почему-то плывем на север!

Похъелец сонно огляделся.

– Так и есть, – подтвердил он через некоторое время. – Я не знаю, где мы. Но мы здесь прежде не проплывали...

– Как будто леший кружит!

– Похоже на то. Только не леший...

– Да хоть водяной! Ты можешь что-то сделать с этим?

Нойда помрачнел.

– Нет. На мне заклятие – я бессилен против водяных духов.

– Но что нам делать? Повернуть обратно? Этак мы просто вернемся к месту прошлой ночевки...

– Просто правь прямо, как правишь, – сказал нойда. – Все равно нас приведут туда, куда хотят привести. От судьбы не уйдешь. У нас осталось что-нибудь поесть?

Они плыли неведомо куда, пока не начало вечереть. Над островами, вырываясь из-под облаков, разгорался закат – багровый, золотистый, лазоревый, – будто мир погружался внутрь перламутровой раковины. Протока, по которой шла лодка, поворачивала и изгибалась, но рано или поздно оказывалось, что она ведет точно на север. По сторонам начали открываться мелкие прораны, и вскоре водяная дорога среди скал превратилась в лабиринт небольших островов. Их берега круто поднимались из воды. Нежата не видел ни единого места, куда можно было бы пристать. Он понемногу начинал тревожиться. Не плыть же всю ночь! Солнце спустилось в облака, подсвечивая их снизу будто бы отблесками огромного лесного пожара. Лодка скользила по темной воде в почти полной тишине.

Незадолго до заката проснулся Велько, попросил есть и пить. Нежата обрадовался: хочет есть – значит, хочет и жить! Он подсел к брату и принялся кормить его, рассказывая, чем кончилась битва с Великим Хауги. Посетовал, что тот оказался всего лишь огромной шукой, понадеялся, что с такой раной тварь не выживет...

Велько слушал его вполуха. Потеряв много крови, он уставал от малейшего усилия. Поев, он снова устроился полулежа на дне лодки, глядя по сторонам.

– Глядите, – прошептал он. – Знаки на скалах!

В самом деле, вдоль воды снова потянулись таинственные руны. Чем темнее становилось вокруг, тем ярче и четче они становились. Понемногу начало казаться, что в сумраке руны чуть светятся.

– Колдун, рассказывай, – снова насел на похвельца Нежата. – Что это за знаки? Их оставила подземная чужь?

– Нет, – мрачно сказал нойда.

– А кто? Опять что-то скрываешь?

– Да отстань ты от него, – утомленно сказал Велько.

Нежата сверкнул на него глазами.

– Помолчи, брат, хватит с ним нежничать. Тут вопрос жизни и смерти...

– Так и есть, – неожиданно сказал нойда. – Скоро мы встретим ту, что вас сюда заманила. Я не знаю, что она задумала – но знаю, что вы ей нужны. Может, вы и правы насчет крови бога. Судя по тому, что вас испытывали, она и сама не знает, правда ли это. Нурманов она просто быстро убила... А на вас у нее отдельные виды.

– У кого – у нее? – спросил Нежата.

– У той, что явилась тебе в облике ведьмы на острове карелов и отправила к своей «сестре». У хозяйки Великого Хауги.

– Так она не человек? – спросил Велько.

– Уверен в этом.

– Ты ее даже не видел! – гневно воскликнул Нежата. – Откуда ты все это знаешь? А может, ты с ней заодно? Вы не земляки, кстати?

– Как знать, – сквозь зубы ответил нойда.

– Замолчи, Нежата! – привстал Велько. – Хватит уже! Только перессориться нам сейчас не хватало!

Нежата сердито отвернулся.

– А ты, нойда, продолжай. Что нам делать?

– Имея дело с богами, смертным ничего не сделать... А все же запомните: не верьте ни чужим речам, ни своим глазами. Вам покажут все, что захотят...

– Так что, все напрасно?

– Почему же? Вас до сих пор не убили – значит, будут что-то предлагать.

– А тебе?

– Она приказала Арнгриму от меня избавиться. Не думаю, что вообще ей интересен...
Вдруг раздался голос Нежаты:

– Я думал, что там впереди светится? Луна взошла, что ли? А вон оно что!

Нойда и Велько повернулись. Прямо перед ними, среди торчащего из воды мертвого коряжника, поднимался большой остров. Казалось, он озарен луной – но если приглядеться, было видно, что призрачный свет исходит от сухостоя, в который обратился некогда росший на острове лес.

Ветер медленно нес лодку прямо туда. Нежата вскочил и быстро принялся убирать парус.

– А ведьма-то твоя не соврала, – сдавленным голосом произнес Велько. – Глядите, избушка...

Среди сухих деревьев чуть светилась двускатная крыша домика на тонких высоких ногах.

– Костяной остров! – воскликнул Нежата. – Что будем делать?

– Да уж не пойдем туда, это точно, – ответил Велько.

– А куда нам деваться? За полдня я не видел ни единого места, куда можно пристать!

Взгляды братьев обратились к нойде.

– Боюсь, нам некуда деваться, – помедлив, ответил тот. – Призовите вашего божественного отца, если вы в самом деле его дети. Кроме богов, тут нам никто не поможет...

Братья угрюмо переглянулись.

– Батюшка-Гром всегда со своими воинами, – сказал наконец Нежата.

– А если мы дети Ящера, – добавил Велько, – никакие козни нечисти ему не страшны.

Он взял весло и опустил его в воду, направляя лодку к мрачному острову.

Из воды торчали черные обломанные ветки. Что-то то и дело скребло по днищу. Вдруг лодка встала, наклонившись на один борт.

– На топляк налетели, что ли?

– Скорее на камень, – Нежата перегнулся, глядя в воду. – Надо сталкивать...

Лодка вдруг начала приподниматься, все сильнее наклоняясь.

– Это что еще за напасть?!

Вода отхлынула, и наружу показалась пятнистая спина Великого Хауги. Нежата схватил весло и попытался оттолкнуть лодку, но это ни к чему не привело. А в следующий миг за борт схватилась иссиня-белая рука.

Нежата рубанул мечом раньше, чем сообразил, что творится. Отсеченная пясть упала внутрь, ее хозяин, которого так никто ни не успел разглядеть, скрылся под водой.

– Мертвецы! – выпалил Велько, глядя на бледную руку, напоминающую куриную лапу.

А рядом уже колыхалась вода, и чьи-то скрюченные пальцы схватились за борта, стараясь опрокинуть лодку.

– Брат, вон еще лезут!

Коряжник громко трещал, голые ветки качались словно копыя. Казалось, со всех сторон затопленные деревья пришли в движение. Скрежетало железо, плескала вода – и при этом не доносилось ни крика, ни слова. Наконец лодка зацепилась мачтой за косо торчащую из воды огромную сухую сосну, накренилась еще сильнее – и опрокинулась...

* * *

Нежата открыл глаза и долго не мог понять, где он, что с ним жив ли он вообще. Он лежал на спине в душной темноте, свет снаружи сочился небольшое отверстие в ногах. Молодой воин попытался сесть, но ударился головой о низкий потолок. На голову посыпался сор, под руками что-то хрустело. Ругаясь, Нежата кое-как выполз наружу и свалился с высоты на землю, ударившись спиной. Когда он понял, откуда выпал, похолодел. Над ним нависала избушка на

высоких ногах. Ни окон, ни дверей в ней не было – только узкий лаз, достаточный, чтобы засунуть внутрь человека. Вернее, тело.

Нежата встал и огляделся. Вокруг шуршал и поскрипывал мертвый лес. Внизу, за лишенными коры стволами слабо светилась вода. В небе пробегали странные зеленоватые сполохи. «Колдовское место! Да наш ли это мир? Я же не умер?»

– Велько! – крикнул он, вертя головой.

Но никто не отозвался. Ни брата, ни похъельца... «Я бился с мертвецами, потом они перевернули лодку, и бой длился в воде, пока я не получил по голове... А как же Велько? Лодку потопили, – а он?» – Нежату охватило отчаяние. Нет, он не может потерять брата вот так, случайно, после того, как нойда чудом вытащил его из навьего мира...

– Здравствуй, змеевич! – послышалось сзади.

Нежата развернулся, выхватывая нож.

Перед ним стояла невеста откуда возникшая невысокая женщина в одежде из звериных шкур. Когда она подняла голову, Нежата сразу же узнал нежное бледное лицо и синие глаза ведьмы с Кукушкиного острова.

– Ты?!

Девушка улыбнулась. Нежату, как и тогда, бросило в жар, и в то же время его охватил лютей гнев.

– Ты заманила нас сюда!

Он схватил ее за плечо, встряхнул.

– Так и есть, – с улыбкой ответила ведьма.

– Зачем?!

– Вы нужны мне.

– Ну-ка не темни!

Нежата нарочно сжал ее узкое плечо, стараясь причинить боль, но чародейка только улыбалась. «Она играет со мной», – подумал Нежата, и разум его будто заволокло туманом. Колени его подгибались, и кровь стучала в висках – но в то же время никогда прежде он не чувствовал в себе такой силы. Верно, прежде эта сила дремала в сердце Нежаты, а теперь ее освобождало одно прикосновение к маленькой ведьме. Будто в нем просыпался кто-то намного сильнее, старше, безудержнее, чем он сам.

– Играю? – ответила она, не скрывая, что видит его мысли. – Нет, это не игра. прислушайся к себе, воин! Разве может не кружить голову мощь, превышающая все, что только могут вообразить себе смертные? Разве есть выбор, когда в тебе начинает говорить кровь богов?

– Так мы правда дети змея? – спросил Нежата.

– Как можно в этом сомневаться?

– В детстве нас дразнили змеевичами, матушка потом объяснила почему. Я не очень-то верил – в Новгороде змея не почитают...

– Глупцы! – презрительно бросила ведьма. – Как можно не почитать древнейшего из богов? Предвечного Змея, властителя бездн вод и надзвездной тьмы? Когда-то он был всемогущим и его власть простиралась повсюду. Потом люди измельчали, и другие боги обрели силу. Но властелин вод не пропал совсем. Он живет во множестве облиций. Нурманы зовут его морским драконом, в землях словен его имя Ящер, мере и вису поклоняются ему как Волозь-Шкаю – летучему огненному змею... Здесь, у карел, его называют Великий Хауги. Он по-прежнему приходит к людям, и в этом мире рождаются его дети...

Нежата слушал, невольно упиваясь ее словами. Но вдруг он кое-что вспомнил.

– А наш похъелец сказал, что Великий Хауги не бог, а просто большая щука...

– Недобитый похъелец? – хмыкнула синеглазая колдунья. – Если бы он был на что-то способен, его бы не привязали к дереву. Честно говоря, не понимаю, зачем вы его с собой таскаете...

– Пусть так. Но если я в самом деле сын змея, – почему же Великий Хауги не признал меня?

– А что ты сделал, для того чтобы он тебя признал? – вкрадчиво спросила ведьма.

– Мы принесли ему дар от матери, гостинец...

– Гостинец, – фыркнула ведьма. – Мать ваша, видать, кое-что смыслит в чарах, но плохо знает Ящера. Ему нужна настоящая жертва.

– Какая? – дрогнувшим голосом спросил Нежата.

– Сам ведь догадываешься, – голос ведьмы звучал ласково, однако у Нежаты кровь застыла в жилах. – Думаешь, случайно у вашей матери родились близнецы? Или ты не знаешь, как говорят волхвы: чтобы обрести самое ценное, надо отдать самое дорогое...

– Ты на что это намекаешь?!

Ведьма рассмеялась.

– На это, о чем ты и давно уже думаешь...

Нежата шарахнулся от нее прочь.

– Да будь ты проклята! Я не стану этого делать!

– Тогда твой брат тебя убьет, – пожала плечами ведьма. – Думаешь, не сможет?

– Конечно, нет!

– Сейчас, может, и нет, но потом... Он ведь тоже сын Ящера. Он не слабее тебя, и ничуть не меньше желает власти – и князьей, и божественной...

– Велько-то? Да ему только бы на гусях брэнчать!

– Плохо же ты его знаешь, – усмехнулась ведьма. – Давай, сейчас самое подходящее время. Он ранен и слаб – кстати, по твоей вине. Не нарочно ли ты промедлил, когда твой брат сражался с Великим Хауги? Почему не помог ему тогда? Струсил?

– Ах ты...

Нежата стиснул ее, намотал косу на кулак – ведьма не сопротивлялась. Он застыл, не зная, что ему делать; все пути казались ведущими во мрак. Но сила, что просыпалась в нем, не сомневалась и не колебалась, она не знала ни страха, ни удержу, и кружила голову почище синих глаз ведьмы...

– Погляди-ка туда, – улыбаясь, сказала женщина.

Нежата глянул куда она указывала, и опешил. На совсем еще недавно пустом берегу он увидел целый отряд воинов. Правда, выглядел он таким же неживым, как засохший лес вокруг...

– Да это же воины Арнгрима! – воскликнул он, приглядевшись. – А вон и он сам! Что с ними случилось?

– Теперь это мои воины, – ответила ведьма. – А будут твои – если сделаешь, что суждено. Смотри, они ждут тебя! Отдай брата Великому Хауги, и по моему слову станешь сильнейшим из князей. Твоя кровь драгоценна, она даст тебе власть над водами – Нево, Узерва, Волхов, Ильмере – до самого Змеева моря!

Нежата вдруг почувствовал, что уже не принадлежит себе. Словно тот, не имеющий ни имени, ни облика, но сильный и страшный, жестокий и всевластный, вселился в него и занял его место. И это было прекрасно.

– А ты? – хрипло спросил он. – Ты будешь служить мне?

Она склонилась, пряча глаза.

– Конечно, сын бога...

* * *

Велько открыл глаза и увидел над собой только темноту. Вскинул руки и уперся в низкий свод. Ему стало так жутко, что он мгновенно вспотел. В памяти промелькнул бой с Хауги,

пробуждение... Может, исцеление ему это лишь привиделось, а он сейчас на самом деле на дне озера – или в брюхе чудища?! Усилием воли Велько заставил себя успокоиться. Сделал несколько глубоких вдохов и почувствовал, что откуда-то тянет воздухом. И кажется, доносился голос брата... Велько перевел дух. Он приподнялся, увидел продушину в дальней стенке. Медленно, ощупью, он выбрался наружу.

Мир был полон холодного, пьянящего воздуха. Над островом раскинулся звездный небосвод. В сияющей черноте колыхались зеленоватые сполохи. Ночные зори вспыхивали над мертвым лесом, вытягивались и дышали, наливаясь жаром, огненные столпы. Велько смотрел, как завороженный. Ничего подобного он прежде не видел.

Так он стоял, пока не ощутил легкое прикосновение к руке. Тогда он оглянулся и увидел рядом с собой черноволосую девушку с жесткими черными крыльями. Она была совсем как та крылатая мара, что две ночи назад слетела к нему с неба на священную гору.

– Здравствуй, – сказал он. – Что это там в небе?

– Это воины-зори. Они бьются между собой в небесном доме Лунной девы, – ответила крылатая дева.

В первый миг Велько удивился, что она заговорила с ним по-словенски, но потом понял, что ее голос звучит у него в голове.

– Кто это такая?

– Никийя – правительница нашего народа.

Велько вспомнил быличку, которую рассказывал нойда, и кивнул.

– Почему я никогда не слышал о вашем народе?

– Мало кто способен увидеть нас, – отвечала мара. – Карьяла сочиняют страшные сказки о крылатых упырях, но на самом деле почти никто из них не видел нас – истинных похъельцев... А саами ничего не рассказывают – напротив, потому что знают нас слишком хорошо...

– Что же они о вас знают?

Мара хищно улыбнулась.

– Ты нам понравился, сын бога. В тебе не только сила крови, но и чародейский дар. Хочешь стать одним из нас? Хочешь стать нашим князем? Летать с нами среди молний?

Велько слушал ее, и все отчетливее понимал, что это всего лишь сон. Или все же нет? На миг ему показалось, скажи он сейчас «да» – раскинет руки и взлетит...

– Мы совсем не за этим сюда пришли, – мягко сказал он. – Мы с братом...

– Знаю, ищите отца-змея. Он не покажется вам, никогда. Зачем ему смертные дети? Несчетное число их проживает свои земные жизни, даже не зная, что они могли бы летать...

Велька вновь кивнул. Да, и нойда говорил что-то подобное.

– Что же ты хочешь?

– Перестань быть человеком! Стань одним из нас – и отец-змей сразу признает тебя!

Мара подошла, шелестя крыльями, приблизила свое лицо к лицу Велько. Ее черные глаза светились синим огнем глубоко внутри.

– Ты сам ведь знаешь. Человеческая оболочка не в силах вместить силу бога. Не ты ли страдал от этого с детства? Не ты ли мечтал о другом теле, способном парить в облаках и рассекать морские глубины?

– Не знаю, откуда ты узнала мои мысли, но я в самом деле об этом много думал... Скажи, как мне достигнуть этого?

– Очень просто. Вон там, в избе мертвых, лежит нойда. Его ничтожная жизнь послужит твоему преображению.

– Каким образом?

– Ты должен выпить его крови.

– Что?!

Мара вновь улыбнулась клыкастой улыбкой.

– Да, мы пьем кровь саами. Она дает нам силы и волшебный дар. Не беспокойся, он не будет возражать. Для них это честь... Пошли, я научу тебя...

Мара стояла совсем близко – когтистое чудовище с лицом юной девушки. Велько невольно залюбовался ей. В отличие от той первой встречи, когда грозная красота крылатой мары притягивала его, а кривые когти и острые зубы пугали и отталкивали, теперь и то и другое казалось ему манящим и соразмерным.

«Красивая девушка-птица. Очень похожа на ту. Жаль, что не настоящая...»

Подумал – и тут же понял, что зря. Мара, явно услышав его мысли, попятилась, оскалилась.

– Не знаю, кто ты, – вслух сказал Велько. – И зачем приняла облик похмельской туньи. И зачем тебе надо, чтобы я убил этого человека. Но все это неважно... – голос его будто хлестнул ее: – Где мой брат?!

Глаза девы загорелись синим огнем.

– Обернись...

Велько повернулся и увидел мертвых нурманов – и Нежату во главе, с мечом в руках.

Глава 8. Третий узел

Нойда открыл глаза. Всего несколько мгновений понадобилось ему, чтобы понять, где он находится. В странствиях по северным лесам он не раз видел избы мертвых, вот только внутри ему еще оказываться не доводилось. Чем дальше от людей ставили такой дом, тем больше опасались того, кто в нем был похоронен. Рядом слышалось дыхание близнецов. Братья спали беспокойным сном: Нежата ворочался и скрипел зубами, стискивая кулаки, Велько улыбался и что-то шептал о полете среди туч. «Ох, мы и влипли», – подумал нойда, и полез наружу в оконце, через которое засовывали мертвецов.

Снаружи было тихо и пусто. Мертвый лес стоял как войско призраков. В высоком звездном небе переливались зеленоватые сполохи ночных зорь. Из-за них поблескивающая среди деревьев вода тоже казалась светящейся. Нойда спустился к озеру. На неприступных скалистых берегах соседних островов горели колдовские знаки, складываясь в неведомые заклятия. «Великое искусство», – подумал нойда с невольной завистью. Ничего подобного лопари и близко не знали. Рунной магией владели нурманские скальды, оберегая ее от чужаков как зеницу ока. Здешние же руны явно были много сильнее. Нойда не мог их прочесть, но зато, в отличие от многих, был способен увидеть их действие.

Вот под водой притаились утопленники – нурманы, ждущие лишь приказа своей госпожи. Не хочет ли она, чтобы близнецы тоже вошли в ее мертвое войско? Должно быть нет, иначе они уже были бы там.

Холодная туша Великого Хауги – уже неживого, но не менее опасного, чем прежде – прячется в коряжнике. Конечно, это не Ящер и не одно из его воплощений. Исполинская шука, пережившая свой век и колдовством превращенная в чудище, лишенное разума и воли. Она просто смертоносное оружие в руках... кого?

«А вот кого...»

Неподалеку на сухом бревне сидела, скрючившись, худая старуха. Она, видно, уже давно наблюдала за нойдой. Длинные седые пряди свисали на укрытые ветхим тряпьем костлявые плечи. Она казалась такой же старой и мертвой, как торчащие вокруг высохшие, лишенные игл ели. Нойда глядел на нее и понимал, что не ошибся в своих догадках. Если старуха и была когда-то живой женщиной, то время прошло давным-давно. Но в глазах у нее горел огонь совсем другой, не человеческой жизни.

– А ты кто такой? – скрипучим голосом спросила она. – Тебя я не призывала.

Нойда, пряча глаза, низко склонился перед ней.

– Я пришел приветствовать госпожу вод в ее владениях.

Старуха пригляделась, склонив набок голову на тощей шее.

– А, ты – тот самый шаман, который увязался сперва за ярлом, а потом за близнецами. Вижу, понимаешь, кто я! Так зачем же ты сюда полез?

– Прошу, – тихо сказал нойда, – позволь мне служить тебе.

Вельма хмыкнула.

– Посмотри на меня, – приказала она. – Погляжу, есть ли в тебе толк...

Нойда повиновался. Их взгляды встретились, и он почувствовал, как нелюдская сущность, поселившаяся в старушечьем теле, обшаривает его память и перебирает мысли. Чувство это было неестественно и мучительно. Но что он мог противопоставить ей?

– Верно, ничего, – кивнула ведьма. – Хотя ты дважды помешал моему Хауги сразиться с близнецами. Видимо, чтобы показать мне, на что способен. Да, кое-что ты можешь...

Старуха встала с бревна и медленно подошла к нойде вплотную. Тот едва не шарахнулся – от нее несло тиной и тухлой рыбой, с лохмотьев лилась вода.

– На что же ты мне сгодишься? – повторила она, обходя его. – Для сильного колдуна ты слишком молод. Да и сам небось понимаешь, что колдовские умения даны тебе в долг твоими богами, пока ты им служишь? Уйдешь ко мне – потеряешь их все! Мне сейчас нужны только воины. Остальные – лишь корм...

– Я и сам многое знаю и умею, – возразил похъелец. – Испытай меня.

– Ну что ж... Ты лихо начаровал ветер. Водяным вихрем я даже залюбовалась... Можешь еще?

– Я могу вызвать ветер трижды, – нойда показал веревку с узлами. – Здесь у меня три ветра. Потом придется ловить и привязывать новые, это небыстро...

Пока нойда говорил, старуха смотрела сквозь него, словно погружаясь в бездны памяти, и вдруг в глазах ее промелькнуло узнавание.

– Видала я уже такую веревочку, – со смешком сказала она. – Благодаря такой же я некогда освободилась из долгого заточения в морской пучине...

Нойда вздрогнул и спросил:

– Не было ли то много лет назад на закатном берегу Змеева моря?

– Проклятое Змеево море... Мальчишка-помощник шамана... А! Это был ты!

– Похоже на то, госпожа, – сдавленным голосом сказал он, снова кланяясь.

– Я-то полагала, саами и не поняли, какое великое дело совершили, – она посмотрела на нойду благосклоннее. – А ты, значит, понял!

– Да, Неспящая, – ответил нойда и развязал третий узел.

Завыло где-то в вышине, будто среди звезд. Прозрачные столпы ночных зорь взметнулись, задрожали и начали сворачиваться зеленоватую в спираль, все быстрее и быстрее. Вой становился все громче; мертвый лес застучал, затрещал голыми ветвями, дождем посыпались сухие иглы и кора. Нойда не отрывая глаз смотрел на ведьму. Никогда прежде он не развязывал третий узел. Учитель предупреждал – в нем скрывалась разрушающая буря. И что будет ей уничтожено, предсказать невозможно. Впрочем, нойда был готов умереть, если ему удастся забрать с собой существо, которое принесло столько зла его роду и ему самому.

Однако старуха вовсе не выглядела обеспокоенной. Нахмурившись было в первый миг, она затем неспешно воздела руку к небу, и вой вихря, уже касавшегося верхушек леса, начал отдаляться. Безумная пляска вспышек бушевала в небе, не касаясь деревьев, скал и людей.

– Как ты меня назвал – Неспящая? Это не мое имя. Так меня прозвали глупые саами. А теперь скажи, мальчишка, зачем ты вздумал напасть на меня?

Тусклые глаза на древнем, высохшем лице старухи вдруг разгорелись синим огнем. До этого мига нойда был почти спокоен, но тут ему стало душно. Перед ним вдруг ярко встала ночь много лет назад, когда они с учителем совершили роковую ошибку...

– Никто тогда не успел осознать, что произошло... – с трудом заговорил он. – Никто не знал, кто ты. Я и по сей день толком не знаю. Знаю лишь, что, освободившись, ты сразу начала убивать...

– Да, я была голодна. И что с того?

– Ты убила моего учителя и Сирри...

– А, девочка с красивыми глазами... Хорошие глаза! Не эти ли?

Иссохшее лицо старухи неуловимо изменилось. Теперь на найду смотрела совсем юная саамская девушка. Арнгрим и Нежата сразу же узнали бы ее.

– Помоги мне, освободи меня! – протягивая к нойде руки, жалобно взмолилась она. – У тебя есть железный нож, разрушающий чары – вон он, на поясе! Всего один удар...

Нойда зажмурился. Хоть он и понимал, что это не его погибшая невеста, но смотреть на морок было мучительно. Вольно же морской нежити издеваться над ним! Он не обольщался – его ждала горькая судьба. Он нашел ту, кого искал много лет, но все что ему оставалось – умереть вслед за теми, кто погиб из-за него.

– Всего лишь погибнуть? Раз уж сам нашел меня, да еще посмел напасть – я тебя так просто не отпущу!

* * *

...беззвучно полыхающие зеленые столпы начали скручиваться в огромную спираль над головой. Звездное пространство наполнилось низким торжественным воем. Велько, стоящий рядом с ложной марой, поднял взгляд к небесам.

– А вот и отец, – сказал он.

Ведьма рассмеялась.

– О нет. Это всего лишь саамское колдовство. Нойда развязал третий узел и выпустил бурю, но ему это не поможет.

Она повернулась к Нежате, стоящему во главе мертвых воинов:

– Пора испытать новую силу, юный воин. Ты принял мой дар, теперь плати!

– Не позволяй себя обмануть, Нежата! – воскликнул Велько. – Никто не может дать тебе силу бога, кроме его самого.

– Да, никто не может дать эту силу, – кивнул Нежата, – Я сам ее взял.

– Сам? – усмехнулась ведьма. – Как взял, так и потеряешь! – она повернулась к Велько. – Что ты знаешь о силе богов, глупый мальчишка? Вы даже не смогли сами сразить моего Хауги. Если бы не хитрый нойда, вы бы еще в ильменах потонули и сейчас стояли бы среди моих утопленников. Или не поняли – или вы будете служить мне, или погибнете!

– Нойда был прав – ты все еще сомневаешься, есть ли в нас кровь бога, – произнес Велько. – Но сегодня ты зывала к высшему внутри нас, и оно отвечало. Зря ты это сделала, если хотела нашей покорности. Раньше я не знал, кого звать – а теперь, благодаря тебе, знаю...

Велько устремил взгляд на вихрь среди звезд. Его губы зашевелились, называя имена того, кто был в разных землях известен как Ящер, Волозь-Шкай, хозяин вод, летучий змей...

И сияющий вихрь, откликаясь на его призыв, разгорелся жарче, начал свиваться еще быстрее.

– Он тебе отвечает! – в восторге воскликнул Нежата.

Велько его не слышал. Утопая взглядом в небе, он взмахнул руками, словно крыльями, резко опустил их – и вслед за его движением вихрь обрушился с небес на Костяной остров.

Все, что на нем еще оставалось – еловый сухостой, камни и бурелом, мхи и можжевельники, кости мертвецов и затопленный коряжник у берегов, – взметнулось в небо, обращаясь в летучее крошево. Ведьму подхватило, словно пустой лоскут, швырнуло в это вихрь и она мгновенно скрылась из виду. Несколько мгновений братья стояли, окруженные сплошной воющей стеной ветра. Потом вихрь исчез так же внезапно, как и возник, оставив остров, заваленный перемолотым в щепки буреломом. Осталась чистой лишь верхушка полого холма, и избушка мертвых на ней. Зорники погасли, и осталось только светлеющее предутреннее небо, с последними, самыми яркими звездами.

* * *

– Брат, что тут произошло? – изумленно спросил Нежата.

Они стояли возле избушки, оглядывая открывшийся простор. Яркие лучи солнца, разбудившие их, озаряли совершенно голый скалистый остров и озеро, густо покрытое плавающим лесом.

– Здесь творилась воля нашего отца, – тихо ответил Велько.

Они спустились к воде, перешагивая через обломанные корни и вывороченные камни. Заводь была полна обломков. Расщепленные деревья без ветвей и коры громоздились впере-мешку с водорослями и человеческими скелетами.

Велько подошел к самой кромке воды, нагнулся и вытащил из кучи грязи нечто белое.

– Что там? – спросил Нежата.

– Похоже на обломок щучьей челюсти... Наверно, это был Великий Хауги... Ого, какие зубы! Оставлю-ка себе.

– На память? – хмыкнул Нежата.

– Сделаю новые гусли. На память обо всем... и о нойде.

– Так мы в самом деле дети змея? – спросил Нежата.

Привидевшееся ночью теперь казалось ему безумным, завораживающим сном. Он – во главе мертвых нурманов... Ведьма-саами, вдруг оказавшаяся на острове и призывающая его убить Велько... Ощущение безграничной силы, которое – он знал, никогда не забудет.

– Похоже на то...

Велько обвел взглядом остров – вчера еще страшное заколдованное место, а теперь просто голую скалу, каких в Черном островняке были тысячи.

– Я представлял себе это иначе, – покачал головой Нежата. – Я надеялся увидеть отца...

– Он ответил на мой призыв и явил свою волю – что же еще?

«На *его* призыв», – неприятно кольнуло Нежату.

И снова чувство безграничной силы, посетившее его в видениях, сладко напомнило о себе. Это – было! Но все же вихрь был послушен не ему, а брату...

– Гляди-ка! – раздался радостный голос Велько, который решил подняться наверх и оглядеться. – Тут наш похъелец!

Нойда – то ли спящий, то ли без сознания, – лежал возле избушки, полузасыпанной щепой и хвоей. Братья вытащили его из-под обломков.

– Опять мы с ним возимся, – проворчал Нежата.

В кулаке у лопаря была крепко зажата колдовская веревочка, на которой не осталось ни одного узла. Велько нахмурился – он сразу вспомнил светящийся вихрь в черном небе. Так это в самом деле было всего лишь похъельское колдовство? Кто же спас их? Отец змей или нет?

– Послушай, он что-то бормочет...

Но сколько ни прислушивались братья, они ничего не поняли – нойда шептал на своем языке.

«О Каврай, отец колдовства, замолви за меня слово Морскому Старику, на спине которого покоятся льды океана! За что он опять карает меня? Почему отнял власть над водой? А теперь и я ветру приказывать больше не могу... Как же я справлюсь с Черной Аккой? А она теперь скроется, уйдет еще дальше, и мне теперь снова искать... Но клянусь, о Каврай – даже если ты не поможешь мне, и я потеряю дар целиком, и духи-сайво покинут меня, я все равно никогда не остановлюсь в поисках...»

Тень друга

Глава 1. Пустые сани

– Вот мы и прибыли, – лодочник-словенин воткнул шест в дно.

Лодка остановилась. Река тут же начала медленно разворачивать ее поперек течения.

– Вон там на горе, видишь, избы чернеют? Там постоянный двор, от него идет хорошая дорога в водские леса. Род старого Кадая жил первым отсюда по этой дороге. К закату, если богам то будет угодно, может и доберешься... Сейчас я еще малость поближе подойду, и вылезай...

Нойда поглядел на него с удивлением.

– А что, к берегу лодку не подогнать?

– Нет. Ничего, тут дно пологое. На постоянном дворе обсохнешь.

Нойда нахмурился. Не то, чтобы ему не приходилось прежде купаться в реке, на которой вот-вот встанет лед. Кожаные штаны и пимы с перевязанными как раз на такой случай голенищами воду не пропускали. Но до берега оставалось еще сажени две. Что мешало плоскодонке их преодолеть?

– Вон там пристань, до сих пор лодки на берегу лежат. Я что, мало заплатил тебе?

Перевозчик осклабился.

– Да сколько бы ни заплатил! Нога моя не ступит на этот проклятый берег!

Он покосился на молодого саами в расшитой бусинами одежде и низко надвинутой на глаза остроконечной шапке.

– Ты, по всему судя, колдун? Небось знаешь, что текущая вода защищает от нежити?

– Да чего вы так боитесь-то? – с досадой спросил нойда.

Он потратил все утро до полудня, пока нашел человека, который согласился везти его через широкую, мутную Стругу на водский берег. И этот вдруг тоже начал чудить.

– Вот над чем подумай, – ответил лодочник, окидывая цепким взглядом заснеженный склон, уходящий к темневшему вдалеке лесу. – Тут было прежде место шумное, торговое. Все лоды мимо шли, здесь ночевать становились. А теперь погляди...

Нойда поглядел. Водский берег был тихим, пустым и совершенно белым. Вчера после долгой осенней слякоти наконец подморозило, потом выпал снег – первый в этом году.

– Все оттуда сбежали, – объяснил лодочник. – И словене, и вожане – кто успел через лес пройти и до реки добраться.

– Почему? Что рассказывают?

– Да всякое, – лодочник с опаской еще раз взглянул на берег, и приглушая голос, сказал:

– Поговаривают, в лесу чудовище завелось. Сперва начали люди пропадать... а потом их начали находить. Вернее, то, что от них осталось...

– И что оставалось?

– Да немного, прямо скажем. Кости обглоданные... и то не все.

Нойда задумался.

– Кто-нибудь видел это чудовище?

– Ха! Те, кто видел – уже ничего не расскажут...

– Семья Кадая была среди тех, кто ушел за реку?

– Нет, – помедлив, ответил лодочник. – Все там, на месте сидят. Если еще живы, конечно. Ты подумай хорошенько, надо тебе к ним?

– Надо, – ответил нойда, пресекая дальнейший спор. – У меня там родня.

– Родня, ишь. Ты же не вожанин.

- Вархо, старший сын Кадая – мой названный брат.
- А, названный, – с уважением повторил лодочник. – Ну-ну, проведай. В крайнем случае костер погребальный им сложишь. Только подумай, тебя-то хоронить будет некому...
- Меня похоронить не так просто, – задумчиво сказал нойда, оглядывая берег. Даже птиц не видать. Все как вымерло.
- Вижу, ты парень смелый.
- Лодочник уперся шестом в дно покрепче.
- Лезь в воду. Пусть тебя хранят твои боги!

* * *

Выбравшись на берег, нойда огляделся. Перед им простирался белоснежный склон без единого следа, даже собачьего. Вдалеке, у леса, темнели избы, вдоль берега тянулись лабазы и пристань. Странно было не слышать лая, не видеть дымов над крышами. У воды повсюду были заметны приметы поспешного бегства, двери лабазов распахнуты. Нойда не поленился заглянуть внутрь – ага, товары все-таки вывезли... Значит, самые осторожные начали перебираться на словенский берег заранее. А вот последние, кажется, убегали, как от смерти спасаясь...

«Надо бы пойти поглядеть, что на постоялом дворе», – подумал нойда – и сразу почувствовал, как ему не хочется это делать. Он так-то не любил подобные места – нечистые, будто каждый, кто здесь гостил, оставил здесь свои следы и мысли, и те, пусть даже сами по себе вовсе не скверные, слились в одно грязное и мутное пятно. В таких местах, как этот постоянный двор, нойда будто слеп и глух, ночью его душа носилась в потемках, полная тревоги, не зная покоя, изматывая тело вместо желанного отдыха.

Но теперь к обычной его нелюбви к постоянным дворам добавилось ощущение опасности. А нойда привык доверять своим предчувствиям. Подумав, он со вздохом достал из заплочного короба шаманский пояс – кожаный, тяжелый, с подвешенными к нему литыми бляхами с ликами духов и богов. Саами не надевал его часто – этот пояс был не одеждой, а скорее оружием. Стоило замкнуть его на себе и пробормотать нужное заклинание, как нойда словно облекся в светящуюся прозрачную броню, заострившую его внутренне зрение – и заодно сделавшую его видимым для всех незримых существ, какие только таились поблизости. Пояс не только много давал, но и в ответ требовал не меньше: недолгая вспышка всевидения скоро оборачивалось тяжелой усталостью сродни похмелью. А этого нойда сейчас не мог себе позволить. Никто не даст ему отлеживаться, никто не защитит, кроме его самого.

Его опасения тут же подтвердились. Закрыв глаза, нойда увидел, что хлев при одной из изб окутывал будто бы красноватый туман. Волоски на руках чародея поднялись дыбом – ветерок донес отчетливый, хоть и неуловимый для обычного человека, запах крови. Впрочем, саами почти сразу понял, что эта кровь давно остыла, впиталась в землю, засохла. «Там уже несколько дней пусто, – подумал он, снимая пояс. – И вокруг тоже. Ни людей, ни зверья... Даже водяные духи попрятались... Кто-то поистине страшный тут поселился!»

Ворота постоянного двора были распахнуты настежь, тихо покачиваясь и поскрипывая под налетающим с реки ветром. Нойда собрался было войти во двор, но поднял взгляд и остановился. С ворот на него скалился волчий череп. На желтоватом костяном лбу чернел странный знак, похожий на колючую снежинку, с острыми зубцами, направленными во все стороны. Нойда нахмурился, пытаясь вспомнить, где он мог видеть такой знак. Да, занятные обереги у здешних жителей...

Решив обдумать загадку на досуге, саами прошел под черепом. Сперва направился прямо к гостинной избе. Внутри – темно и пусто; от очага несло застарелым холодом. Нойда осмотрелся, повсюду отмечая те же следы поспешного бегства, что и на пристани. По крайней мере, в избе не было мертвецов.

Нойда ожидал найти их в другом месте. Он вздохнул, положил руку на рукоять поясного ножа, пересек двор и направился к хлеву. Ему уже не нужен был шаманский пояс, чтобы чувствовать исходящий оттуда смрад жестокой смерти, ужаса и боли.

Войдя, саами быстро огляделся и невольно выдохнул. В раскиданных по всему хлеву кровавых ошметках кожи приятного было мало, но по крайней мере, принадлежали они не людям. «Две дойные лосихи, – отметил нойда, оглядывая расколотые кости со следами зубов. – Словно волки пировали... Но сожрать скотину прямо в хлеву?» Очень странно! В голодные зимы, волки порой забирались к людям на подворья, но добычу всегда старались утащить в лес.

Нойда вышел из хлева, вернулся к гостинной избе, уселся на крыльце. Достал из кисета на поясе катышок терпкой сушеной травы, обостряющей мысли, кинул в рот и принялся вспоминать. Он перебирал все, что знал о волках, об их повадках, о волчих богах и о тех, кто бывает волками только время от времени. Что произошло на постоялом дворе? Саами вспомнил череп над воротами, черную «снежинку» и наконец признал, что ничего не понимает.

«Вечереет, – отметил он, глядя за реку. – Не заночевать ли под крышей?» Однако было ясно, что в брошенном и оскверненном доме он покоя и отдыха не обретет. Значит, надо идти дальше.

«Лодочник сказал, деревня Кадая – первая по дороге, и пути до нее полдня. К ночи, пожалуй, дойду...»

* * *

Нойда шагал по довольно широкой, но давно не езженной, засыпанной снегом дороге. Медленно тянулся серый сумрачный день. После вчерашних заморозков возвращалось тепло, грязный лед под ногами начинал таять и скользить. В воздухе висела холодная морось, голые черные деревья окутывал туман. Постоялый двор остался далеко позади. Нойда шел размеренно, спокойно, но и не мешкая – так он мог шагать целый день без усталости.

Мысли его были далеко. Он вспоминал друга – пожалуй, единственного, кого мог так назвать в своей жизни. Нойда очень хорошо помнил их первую встречу в нурманских землях. Среди могучих рослых северян белоголовый Вархо, с его призрачно-голубыми глазами, казался бледной тенью, словно мать его была не человеком, а духом березы, которую водь считала в прародителях. Но, как оказалось, нельзя было обмануться сильнее. Вархо первым заговорил с ним. Нойда отнесся к новому знакомому настороженно. Да и колдуна в нем сразу распознал. Но белоглазый быстро растопил лед. Был открытым, веселым, разговорчивым. Умел расспрашивать так, что и хочешь сохранить тайну, да не сумеешь. И втайне жестоко страдавший от одиночества изгнанник-нойда невольно потянулся к нему...

«Если Вархо в самом деле вернулся домой, тогда понятно, почему его родовичи решили остаться, – раздумывал нойда. – С места срываться и уходить в чужие земли совсем непросто. Однако если деревню защищает сильный чародей – ни зверь, ни нечисть не сунется...»

Тянулись версты, над лесом сгустились сумерки. Дорога, извиваясь, уходила все дальше в черный весенний лес, набухший от сырости. Снова начали порхать легкие снежинки... Из-за них нойда не сразу заметил то, что впереди.

Пустые санки стояли посреди дороги наискось, будто их развернуло, когда возница резко натянул вожжи. Однако ни возницы, ни того, кого в санки запрягали, поблизости видно не было. Нойда подошел к саням, оглядел их не без удивления. Санки были легкие, остроносые, на тонких полозьях. Словенские сани были куда крепче и тяжелее, чтобы нагрузить на них добра или дров побольше. Эти же нойде были хорошо знакомы – они предназначались для быстрой езды по ровному снегу. «Почти как наши! Должно быть, водские, – подумал он. – Недаром Вархо когда-то говорил, что водь и саами – родня, хоть и дальняя...»

Нойда обошел сани, пытаясь отыскать следы на дороге. А где упряжной лось? Положим, мог убежать в лес... Да и упряжь наследила бы. Нойда наклонился, поднял длинный плетеный ремень, привязанный к передку, повертел в руках. Значит, сани тащил человек. А почему бросил, куда подевался? Что было в санях, почему они пустые?

Нойда рассеянно поглядел в разные стороны и вдруг замер. В нескольких десятках шагов на дороге кто-то лежал.

Крадучись, нойда подошел поближе. Теперь он отчетливо видел тело, слегка присыпанное снегом. Мертвец лежал ничком, выбросив вперед растопыренную ладонь, будто в последнем усилии пытался поползти. От кого?

Нойда вскинул руку и хлопнул себя по левому плечу, скороговоркой призывая сайво-разведчика. Вскоре послышалось хлопанье невидимых крыльев. Нойда взмахнул рукой, отсылая духа. Теперь следовало взглянуть на лес его глазами... Что ж, добрые вести – близкой опасности не было. Лес, как и берег, был пуст – слишком пуст. Все сбежали, даже любопытные жадные лисы. Всем хотелось оказаться подальше от того, кто вышел из леса навстречу саням – судя по всему, прошлой ночью...

Нойда склонился над мертвецом, разглядывая его затылок. Мужчина, немолодой вожагин, судя по знакомым бережным узорам на вороте – как раз из рода Кадая. Того самого, который то ли не успел, то ли не захотел уйти на словенский берег. Слипшиеся вихры и борода обледенели и казались седыми...

«Видимо, он и тащил сани. Направлялся к перевозу – больше тут некуда... Потом бросил сани и побежал назад, да недалеко ушел... Наверно, собирался скрыться от напасти за реку... Но почему не запряг лося? В любом случае, он вез что-то нетяжелое... Не пустые же сани тащил через лес!

Нойда перевернул мужчину и отшатнулся. Несмотря на юные года, он уже всякого повидал, но такое – впервые. У мертвеца было до костей обглодано лицо.

Саами заставил себя отпустить рукоять ножа. Еще раз обвел взглядом тихий вечерний лес. Глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, и снова начал бродить вокруг саней, впиваясь взглядом в землю. Увы – никаких следов не осталось. Как раз когда случилась беда, грянул этот внезапный заморозок. Произойди она на полдня раньше, дорогу можно было бы прочесть как руны, вырезанные на камне. Теперь же подтаявший лед издевательски блестел, и только.

Нойда подкатил сани поближе к мертвецу, положил в них окоченевшее тело, привязал санный ремень к поясу и потащил за собой жуткую поклажу, уходя все дальше в водские земли.

* * *

До деревни Кадая нойда добрался уже в темноте. Едва не промахнулся в темноте, но увидел слева белую полосу, уводящую в сторону от большака. Тропа привела его к закрытым воротам, в обе стороны от которых тянулся явно наскоро возведенный тын. Створки ворот были увешаны пучками можжевельника. При виде их нойда невольно посмеялся. У можжевельника много полезных свойств, но защита от чудовищ в этот перечень не входит. Настораживало то, что не залаяли собаки. Однако в воздухе слабо пахло дымом очагов. А где дым – там и тепло, и живые люди.

Нойда скинул с плеч ременную петлю, потянулся и крикнул:

– Эй, добрые люди, отзовитесь! Отворите ворота!

«Добрые люди» отозвались так быстро, словно сидели в засаде с другой стороны тына. Над воротами показались испуганные лица.

– Ты кто такой? – послышался окрик, полный изо всех сил подавляемого страха.

– Здесь живет род почтенного Кадая? Я друг и побратим Вархо, сына его! Шел мимо, думаю – дай навещу... А по пути, глядите, что нашел!

Нойда указал на сани. Из-за ворот раздались взволнованные возгласы.

– Да это же сани Койвы, кузнецовой сестры, – выпалил кто-то. – А на них сам кузнец!

– Не успел, значит, до реки засветло добежать...

Нойда про себя отметил, что его догадка подтвердилась.

– Пустите, пустите! – послышался женский голос, и над воротами возникла голова в синей бабьей шапочке. – Что с братом? Жив?!

– Вчера еще умер, – ответил нойда. – Загрызли его.

За воротами застыла тишина. Потом послышалась возня и нестройный топот. Похоже, охранники в страхе разбежались.

– Дурачье! – громко выругался кто-то. – Койва, забирай брата! Завтра устроим ему честное огненное погребение...

– Боюсь, – отозвался плачущий женский голос. – А ну как встанет? Пусть до утра за воротами полежит...

– Опять волков приваживать? Собак и скотину перетаскали, теперь еще мертвецами их кормить будем?!

Нойда озадаченно слушал перебранку. Наконец створка приоткрылась, наружу выскользнули женщина, за ней двое мужчин, помоложе и постарше. Молодые мужчина с женщиной затащили сани внутрь и исчезли. Третий, тот, что в годах, обернулся в воротах и строго спросил у нойды:

– Правда ли, что Вархо с тобой побратался?

– Богами клянусь, – склонил голову нойда. – Сам знаешь, почтенный, таким не шутят.

– Я его отец, Кадаем зовут. Ну что ж, проходи... названный сынок...

Глава 2. Чужие шрамы

– Почему у вас собаки не лают? – задал нойда давно занимавший его вопрос, когда они, пряча лица от колючего ветра, направлялись к просторному двору старейшины.

– Не осталось у нас собак. Всех волки сожрали.

– Да быть не может. Всех?

– Зима была жестокая, – буркнул Кадай. – А волков в наших лесах просто тьма. Сам видишь, за ворота нос высунуть боимся...

«Что же, значит, волки и кузнеца загрызли?» Нойде припомнилась кровавая расправа над скотиной на постоялом дворе. Волчий череп над воротами...

Изба Кадая оказалась просторной и длинной, приподнятой над землей на столбах, с деревянной крышей. Мох, который для тепла прокладывали между бревнами, медленно колыхался под ветром, словно стены избы заросли косматой бородой. Кадай и его гость прошли внутрь через холодные сени в теплую сумрачную горницу с низким потолком. Внутри пахло дымом, грибами и вареной капустой. Нойда поклонился очагу и божнице с куколкой Матери-Березы. Вошедших приветствовали поклонами три женщины. Одна была явно дочь Кадая – пригожая девица с длинной, пепельно-русой косой, в вышитой рубахе и нескольких юбках, надетых одна поверх другой. У двух других волосы были убраны под гладкие шапочки замужних и перевязаны за спиной лентами. Та, что постарше, в строгом синем платье, держалась как хозяйка. Молодая ходила опустив голову и одета была в старушечий некрашенный наряд, похожий на длинную мужскую рубаху. То ли батрачка, то ли бедная родственница...

– Проходи, названный сынок, – буркнул Кадай. – Вархо нет – будь за него...

– А где он? – спросил нойда, когда женщины принялись накрывать на стол.

– Ушел, – неохотно проговорил его отец. – Он из тех парней, кто подолгу дома не засиживается...

Нойда нахмурился.

– Вархо говорил, домой собирается. Когда мы с ним расстались прошлым летом, сказал, что устал от походов и хочет вернуться к родне...

– Устал он, ишь! – хмыкнул его отец. – Да, Вархо вернулся из нурманских земель еще тем летом. Много добра принес. Вон, видишь, чаша серебряная? Пожалуй, стоит побольше, чем вся наша деревня! Осенью женился на Хилье, – Кадай небрежно указал на сутулую молодуху, принятую нойдой за батрачку. – А потом его, видно, снова прочь потянуло. В одночасье собрался. Куда – не знаем! Когда вернется – не сказал...

Нойда кивнул. Перед ним вновь шумело холодное нурманское море, слышался голос побратима: «А приходи к нам на Стругу, будешь гостем желанным. Если помощь понадобится – только позови...»

Угощение выставили скудное: остывшая каша с грибами, квашеная капуста... Нойда, мельком удивившись бедности стола, не жаловался. Да и есть после увиденного на дороге не хотелось. За стол сели только мужчины – женщины устроились на лавке у печи.

– Ну рассказывай, – заговорил Кадай, – Как это вы с Вархо побратались? Я думал, вы, колдуны, друг друга ненавидите...

Нойда поднял на него удивленный взгляд.

– Вархо сам рассказал, что он чародей?

Старейшина ухмыльнулся.

– За дурака меня держишь, или за слепого?

– Пока сын с нами жил, мы уж тут всякого повидали, – уклончиво добавила от печки его супруга.

– Мы встретились с Вархо на службе у ярла Арнгрима, – снова заговорил нойда. – Ваш сын был у него за рунопевца – нурманы их скальдами зовут. Когда они уходят в морские набеги, то стараются непременно взять с собой колдуна. Кто-то должен уметь раскинуть кости, чтобы заглянуть в завтрашний день или узнать исход боя. Порой надо проклясть врага, чтобы от него отвернулись боги и ни в чем не было удачи. Наслатъ ужас на противника, напустить тьму в глаза кормчему... Таким колдуном и был Вархо. Он многое умел... Однажды нас обоих позвали в усадьбу родича ярла, чтобы упокоить друга. Все отказывались, никто не хотел связываться с поганью – чести мало, сгинуть можно запросто... Ну а мы согласились. Финское колдовство нурманы очень уважают...

– Кого, говоришь, упокоить? – перебил Кадай, слушавший гостя с каким-то настороженным любопытством.

– Друга. Так нурманы называют ходячих мертвецов.

У печи громко звякнул об пол глиняный горшок и покатился под лавку. Жена Кадая, вскочив, принялась выговаривать криворукой невестке.

– После того дела мы с Вархо сдружились. Куда только вместе ни ходили... Однажды влезли на запретную гору, чуть не ограбили богиню, еле ноги унесли, – нойда улыбнулся воспоминаниям. – Потом Вархо сказал, что его домой потянуло – ну и ушел. А я остался служить Арнгриму...

Нойда решил, что пора и ему задать вопрос.

– Я шел сюда мимо брошенного постоянного двора. Мне сказали, народ бежит на словенский берег...

– У кого ума нет, тот бежит, – сердито бросил Кадай. – В лесу пропасть волков, да еще медведи не спят... А кому-то, видно, этих бед мало показалось – и распустил слухи о чуде из леса. Да только, по правде, никто того чудища в глаза не видел. Я вот своим запретил уходить. Сказал, пока в деревне дома сидите – бояться нечего! Кузнец вон ослушался – и что с ним стало?

Затрещала догорающая лучина, угли посыпались в плошку с водой, снова потянуло дымом. Кадай, будто того и ждал, поднялся из-за стола.

– Иди-ка, названный сынок, спать! Мы тут с огнем долго сидеть не любим.

* * *

Длинная изба старосты состояла из двух срубов под одной крышей, соединенных темными холодными сенями. Нойде постелили в малой избе – подальше от хозяев. Сруб казался нежилым, душным и промозглым одновременно. Печь натопили кое-как – даже не прогрелась как следует. Нойда, оглядев ночлег, лишь плечами пожал и принялся устраивать постель. За вечер он достаточно посмотрелся на старейшину и его домашних: спасибо на том, что вовсе в хлев не отправили. Ему тут были не рады, совсем не рады. Кадай настороженно следил за каждым его движением, жена и дочь смотрели на колдуна с плохо скрытым страхом. В сущности, все привычно и понятно. «Конечно, бояться, – раздумывал нойда. – Кто же обрадуется колдуну, притащившему в деревню обглоданный труп? У Кадая весь вечер на лице было выражение «чтоб тебя гром разразил, незванный-непрощенный!» Но ведь я могу им помочь... Кадай говорит, дело в расплодившихся волках, но мнится мне, все не так просто... О Луот, да они вообще здесь топили?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.